

Романовы в дороге

Путешествия и поездки
членов царской семьи
по России и за границу

Коллектив авторов

**Романовы в дороге. Путешествия
и поездки членов царской
семьи по России и за границу**

«Нестор-История»

2016

Коллектив авторов

Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Коллектив авторов — «Нестор-История», 2016

В сборнике научных статей представлены материалы конференции, посвященной 400-летию династии Романовых. Поездки и путешествия российских самодержцев и членов их семьи с XVII по XX вв. рассматриваются с точки зрения разновидностей и целей, исходя из жанровой специфики источников (заметки самих участников, корреспонденция, репортажи, публикации в газетах и журналах, мифологемы массового сознания и т. п.), а также в контексте формирования имперских церемоний и этикетных норм коммуникации. Проанализированы некоторые методологические и теоретические вопросы изучения и интерпретаций высочайших путешествий по России и за границей, – в частности, язык, приемы и риторика их репрезентаций для разных аудиторий. Сборник предназначен для историков, филологов, специалистов по истории и культуре Российской империи, а также для широкой гуманитарной аудитории.

УДК 93/94
ББК 63.3(3)

© Коллектив авторов, 2016
© Нестор-История, 2016

Содержание

Предисловие	6
Место путешествий в придворном церемониале	9
К. Штеппан. Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.)[1]	9
Н. Ю. Болотина. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых	14
Г. В. Ибнеева. Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий	20
Е. В. Беспалая. Последний путь странствующего императора Александра I	28
Н. М. Филатова. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды	36
История одного путешествия	46
И. Шварц. О поездке Петра Великого в Пресбург[4]	46
О. В. Хаванова. Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного цесаревича[11]	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55
Комментарии	

Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу

© Коллектив авторов, 2016

© Институт славяноведения РАН, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Предисловие

В год 400-летия династии Романовых было проведено много научных симпозиумов, выставок, юбилейных мероприятий. Мы избрали для конференции тему «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу», объединив, таким образом, две актуальные в последнее десятилетие исследовательские проблемы: анализ путешествий как концепта и жанра и историю царской (императорской) династии Романовых. В сборнике представлены статьи участников конференции, проведенной в Институте славяноведения 12–14 ноября 2013 г. в рамках II Всероссийского совещания славистов^[1], а также работы специально приглашенных авторов. В результате исследователи представляют пять стран (Россию, Австрию, Венгрию, Германию и Сербию) и четыре российских города: Москву, Санкт-Петербург, Казань и Саратов.

В новейшей отечественной историографии, обращающейся к изучению феномена имперского российского самодержавия, его идеологического толкования, значительную роль сыграла книга американского историка-русиста, профессора Колумбийского университета США Ричарда Уортмана «Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии», переведенная на русский язык в 2002–2004 гг.^[2] Она не только вызвала широкий резонанс в среде историков и культурологов, но и открыла новую страницу в изучении имперского периода российской истории с точки зрения реализации символических и мифологических функций власти и различных (вербальных, визуальных, коммуникативных) способов ее репрезентации. Можно по-разному оценивать значимость исследования Уортмана для российской историографии^[3] – пишут как о «уортмановском повороте»^[4] в исторических дисциплинах, так и о неоправданной «уортмании» отечественных гуманитариев^[5]. Но так или иначе оно повлияло на целое междисциплинарное направление, в котором своеобразие российского самодержавия как политической формы и социокультурной модели реконструируется через его средства идентификации. Таковыми можно считать идеологию и метафорику Царской / Императорской власти, которая представляет особенную значимость на этапе формирования имперского и «народного» самосознания периода «строительства» современных наций.

Одним из аспектов взаимодействия патримониальной монархии в лице «отца» народа (народов) и «детей»-подданных становится путешествие в широком значении слова – как целенаправленное и ставшее объектом описания или рефлексии перемещение в пространстве^[6]. В высочайших путешествиях (даже к месту последнего упокоения) важна именно архаическая связь властителя, сакрализуемого актом помазания, и пространства, им «окормляемого»; личности, олицетворяющей государство, со всеми своими подданными, цельный образ которых воплощен в представителях каждого из слоев социума. Известно, что в раннесредневековых европейских и азиатских монархиях поездки правителей по подвластным им территориям реализовывали несколько задач одновременно, однако важнейшей из них была собственно символическая функция единоначальной власти – ее зримое присутствие среди подданных, появление монарха перед ними, позволяющее им видеть и признавать своего реального властителя. Освоение территорий государства через путешествие должно было означать присвоение их, оно закрепляло эту реально-экономическую и символическую связь. И в раннее Новое время, и в начале XX в. (как убедительно показано в статьях сборника) актуальным в период путешествия оставалось «знакомство» монарха с народом и узнавание, «опознание» государя подданными. Мало что менялось и в сфере ожиданий: правитель должен был реализовать свои сакральные функции, в том числе и через одаривание – как вещественное (подарки, деньги и т. д.), так и через «милости»: награждения, принятие прошений, участие в судьбах конкретных людей и т. д. В имперскую эпоху путе-

шествия цесаревичей и других детей самодержца выполняли кроме этого важную образовательно-педагогическую задачу – независимо от того, по России или за границей они совершались.

Неизменным результатом (предполагаемым или реализованным) любого венценосного путешествия по своей стране или за ее пределами следует считать создание идеального образа – Царя, Власти, Отечества, Народа, а также идеи их гармоничного сосуществования. В общении с представителями разных социальных, этнокультурных и конфессиональных групп полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи Государь выступал воплощением регулятора сбалансированных отношений всех сословий, племен, вероисповеданий, – и во время прямого или делегируемого контакта эту модель возможно было представить ярко и впечатляюще. Поездки за границу, введенные Петром I, помимо репрезентативной функции нередко имели познавательную компоненту: государи и наследники знакомились с церемониалом и нравами принимающих дворов, учились сравнивать, грамотно перенимать опыт, достойно представлять свое Отечество перед союзниками. Не случайно, что часто такие вояжи осуществлялись под вымышленными именами, что освобождало от необходимости соблюдать лишние условности и гостей, и хозяев.

По материалам исследований можно проследить и изменение церемониалов, сопровождавших официальные и неофициальные выходы императоров, которые пришлось разрабатывать хотя и довольно поздно по европейским меркам, но все же не «с нуля» (как полагают некоторые исследователи), а в очевидной опоре на предшествующие традиции русских князей и царей. Отчетливо прослеживается тенденция, особенно ясно сформулированная в период правления Александра III (ее символическим заключительным аккордом можно считать знаменитый костюмированный бал «в русском стиле» в феврале 1903 г.), – к воссозданию исторических традиций и внешних форм доимперской «русскости», в том числе и в церемониалах, ритуалах приветствий, подношений, дворцовом этикете и т. п. Однако это касалось главным образом «внутрироссийского» стиля и образа жизни. В общении с венценосными европейскими родственниками, иностранными дипломатами и т. д. реализовывалась иная модель поведения.

Важную роль играл и сам язык описаний высочайших травелогов – ведь основная масса сохранившихся свидетельств оставлена наблюдателями, придворными, участниками и организаторами поездок. Именно их вербальные и визуальные репрезентации становились главными информационными источниками и долгое время рассматривались современниками и потомками как «высочайше утвержденные». В них, как показано в некоторых статьях сборника, формируются те речевые лексические стандарты и нормы «политкорректности», которые определяют способы и формы изложения деяний царственных властителей России и обстоятельств их личной жизни для «простых людей» – т. е. в официальных отчетах и «журналах», в средствах массовой информации, популярной литературе «для народа» и т. п.

Обращаются исследователи и к источникам личного происхождения, анализ которых позволяет во многом преодолеть складывавшиеся на протяжении длительного времени не только в российской (советской), но и зарубежной историографии XX в. стереотипные взгляды на членов правящей династии Романовых как на представителей «правлящей верхушки» (разница проявлялась лишь в оценках). Дневники путешествий, переписка, индивидуальные впечатления конкретных людей, облеченных властью, дают возможность осветить не столько «репрезентационные стратегии», сколько личностное восприятие, понимание долга и ответственности, отношение к собственному народу и его судьбе – в границах, определяемых целями поездки и маршрутом.

Авторы коллективного сборника рассмотрели сюжеты, относящиеся не только к трем столетиям романовской Империи (1721–1918), но и более ранние, включая период правления царя Алексея Михайловича. Композиция книги обусловлена не хронологическим, а

проблемным принципом: открывается она статьями, в которых реконструируются путешествия и поездки как часть придворного церемониала (экскурсии Петра I, ритуалы прощания с покойными членами царской семьи и их погребения, «встречи с народом» и коронации). Затем следует раздел, авторы статей которого подробно анализируют отдельные индивидуальные поездки государей Петра I, Павла I, Александра I, будущего Александра II, Александра III и Николая II. Третья часть посвящена организации подготовки и аргументации (в том числе и риторической) различных перемещений императоров и членов их семей, включая официальные и неофициальные визиты и встречи с родственниками. В двух статьях представлена реконструкция символики монарших путешествий, как создаваемая и реализуемая их организаторами и участниками, так и не рефлекслируемая современниками. Завершает ряд исследований «Приложение», в котором публикуются статьи о путешествиях супружеской четы – Альберта Саксен-Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины Габсбургской, и поездках по своим обширным владениям двух императоров – Иосифа II и Франца II (I). Читатель найдет в них немало тематических перекличек с основными статьями, познакомится с методикой изучения сходного круга проблем на примере других стран.

Место путешествий в придворном церемониале

К. Штеппан. Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.)¹

В начале 20-х годов XVIII в. австрийско-русские отношения вышли из серьезного межгосударственного кризиса. Причиной напряженности был конфликт, вызванный бегством царевича Алексея в 1716 г. в Вену, что привело к временному прекращению дипломатических отношений между императором Священной Римской империи Карлом VI (1711–1740 гг.) и русским царем. Только при дипломатическом посредничестве генерала Иоганна Вейсбаха и графа Павла Ивановича Ягужинского при венском дворе межгосударственные отношения сдвинулись с мертвой точки. Русским представителям удалось убедить цесаря (императора) в необходимости «восстановления дружеских отношений» между двумя дворами^[7].

Обстоятельства, при которых это примирение должно было быть достигнуто, звучат для современного наблюдателя довольно странно. В начале 1720 г. Петр I отправил Ягужинского в Вену с предложением, чтобы обе стороны посредством договора «стерли» и «забыли» все прежние «недопонимания» и «разногласия» и больше об этом не вспоминали. Венские министры ответили в таком же духе и написали в своем отзыве, что установление «постоянной дружбы» и вероятное заключение союза возможны в случае, если они забудут «все прошедшие смуты». Эти взаимные обещания не были пустыми словами. Уже в следующем году император отправил графа Штефана Вильгельма Кинского (1679–1749) в Россию с целью заключения союзного договора^[8].

Сразу после его приезда в Санкт-Петербург и последовавших церемониальных приемов в начале октября 1721 г. Петр I выказал готовность к возобновлению дружеских отношений и уже в том же месяце пригласил посланника Священной Римской империи на совместную экскурсию в Кронштадт. Это приглашение можно назвать хорошим примером неформального общения русского государя с иностранными послами. Не зная об этих характерных чертах Петра I, Кинский расценил царский жест как необычное доказательство благосклонности. Мнение Кинского об уникальности этого события только подтвердилось в ходе самого мероприятия^[9].

В день отъезда из Санкт-Петербурга Петр отправил цесарскому дипломату «красивую шляпку» для самостоятельной переправы в Кронштадт. Прибыв в главный порт русского флота, Кинский увидел уже находившегося там государя вместе с Ягужинским. Они пригласили его на прогулочный кораблик царя, и тот лично показал гостю не только весь порт, но провел через корабли флота, фортификации и другие достопримечательности города. Подробные описания императорского посла содержат ценную информацию о состоянии русского флота в Кронштадте в начале 20-х годов XVIII в. По словам дипломата, там находилось более двадцати кораблей, большинство из которых было вооружено 60 пушками. Некоторые из них имели на вооружении даже 100 пушек. С точки зрения Кинского, сама фортификация была очень красиво построена и хорошо укреплена. Таким образом, враже-

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003a1.

ским кораблям предстояло бы преодолеть двойной ряд более чем из ста пушек, чтобы продвинуться внутрь крепости. Несмотря на то, что морская болезнь царского спутника, Ягужинского, омрачила совместную экскурсию, Петр I остался доволен очевидным восторгом Кинского и несколько раз спрашивался у дипломата о его впечатлениях^[10]. Продолжая дружеский тон разговора с царем, Кинский ответил на эти вопросы шуткой: «Хотя я не водяной, но ничего не имею против этих мероприятий в присутствии столь великого государя»^[11].

После морской экскурсии австрийского посла пригласили на маскарад в дом князя А. Д. Меншикова, где царь в присутствии всех русских министров продолжил расспрашивать дипломата о его впечатлениях: «Вы можете себе представить, что все это было построено во время тяжелой войны?» На этот раз представитель императора решил польстить самодержцу, сказав, что со дня своего приезда в Россию только и замечал такие военные достижения. По мнению Кинского, эти слова также понравились Петру, и довольный царь пожал послу руку. Все эти выражения почета и особенно тот факт, что царь оставил всех остальных иностранных дипломатов в Петербурге, убедили Кинского: эта экскурсия была организована исключительно в его честь. Кроме того, после совместного путешествия государь изволил дать Кинскому совет – всегда находиться подле его особы^[12].

Неудивительно, что австрийский эmissар был этим весьма польщен и в очередной реляции истолковал это приглашение как очевидный знак сближения с русским государем^[13]. Однако от чувства превосходства не осталось и следа, когда в том же месяце царь устроил такую же экскурсию для французского посла Жан-Жака Кампредона, который прибыл в Санкт-Петербург через пару недель после Кинского. Доклад Кампредона о совместном путешествии с царем свидетельствует о том, что программа осмотра достопримечательностей оказалась подозрительно похожей на экскурсию для цесарского посланника. Роль экскурсовода во время водной прогулки с французским представителем опять взял на себя сам Петр. Он показал гостю не только корабли русского флота, но и провел по другим достопримечательностям Кронштадта. В конце экскурсии государь выпил рюмку водки за здоровье Кампредона и велел французу вернуться в столицу самостоятельно^[14]. Узнав о реакции на экскурсии с царем среди иностранных послов в Петербурге, Кампредон писал в приписке к своему донесению: «Капитан фрегата приехал сюда, так что я могу прибавить (к предыдущему), что, вернувшись вчера вечером, узнал, как Кинский встревожен моим прибытием и почестями, оказанными мне Царем. Он [цесарский дипломат] сильно хлопочет о самом тесном союзе между своим государем и Царем, который, однако, не так-то скоро решится на это»^[15].

Злорадные слова французского дипломата служили намеком на то, что они с Кинским были соперниками. Это впечатление усиливается при рассмотрении целей французской миссии. Кампредон приехал в Санкт-Петербург в качестве первого постоянного посланника и полномочного министра при петербургском дворе после того, как Франция с успехом выступила в роли посредника между Россией и Швецией в рамках Ништадтского мира (1721). При таком характере межгосударственных отношений французский представитель старался с самого первого дня добиться от новой великой державы подписания союзного договора. Русско-французский союзный договор был заключен в Амстердаме в августе 1717 г., но касался в первую очередь налаживания широких торговых связей между двумя странами и французского посредничества на заключительном этапе Северной войны. Все попытки Петра, направленные на дальнейшее сближение с Францией были, однако, отвергнуты в Версале. Главным препятствием были отказ французов от брачного проекта с Россией, их нежелание признать императорский титул Петра I и разделить сферы влияния в Польше. Несмотря на это, Кампредон старался добиться дальнейшего политического сближения с Россией, так как являлся горячим сторонником крепкого политического союза с русским двором. Между тем, смерть герцога Орлеанского в 1723 г. и воцарение достигшего совершеннолетия Людо-

вика XV имели следствием утрату в Версале всякого интереса к России. 1721–1726 годы – это время упущенных возможностей в русско-французских отношениях^[16].

Петр был готов к серьезному сближению с французским двором, но в данный момент, видимо, хотел оставить двери открытыми. Экскурсии с обоими претендентами на его дружбу прекрасно служили цели публично показать временную равноудаленность Кампредона и Кинского. Таким образом, царь дал иностранным представителям понять, что он в принципе готов к сотрудничеству с обоими дворами. Но он также показал дипломатам, что им придется соревноваться за его дружбу.

Что касается Кинского, он выбыл из борьбы довольно скоро. Причина заключалась в том, что в конце 1721 г. Петр I принял императорский титул. Этот его шаг сделал сотрудничество с венским двором практически невозможным. Несмотря на то, что Кинский и в дальнейшем стремился к сближению с Россией, из-за конфликта о титулатуре Петра I император Священной Римской империи велел своему эмиссару покинуть миссию в Санкт-Петербурге. Уже во второй половине 1722 г. Кинский, ссылаясь на мнимые проблемы со здоровьем, простился с российским императором. В столице новой Империи в качестве официального представителя Карла VI и информатора для венского двора остался секретарь посольства Себастиан Гохгольцер^[17].

Несмотря на отъезд посланника императора Священной Римской империи, Гохгольцер сумел заменить Кинского при русском дворе, в том числе в качестве гостя на придворных мероприятиях и торжествах. Так, российский император пригласил его в августе 1723 г. на совместную экскурсию со всеми иностранными представителями в Петергоф. В докладе о приглашении, поступившем от русского государя, Гохгольцер подчеркнул, что Петр хотел бы показать этот замок лично^[18]. О значении Петергофа как архитектурной гордости молодой Российской империи рассказывается в одном из более ранних донесений. В мае 1723 г. Гохгольцер сообщал, что Петр I лично наблюдал за строительными работами в летнем дворце. В отчете о приглашении на совместные экскурсии секретарь посольства констатировал: «Это здание, наверное, является одним из самых известных в Европе»^[19].

В донесении для французского двора Кампредон отзывался о дворце в сходных выражениях, причем его описания оказались гораздо подробнее, чем у Гохгольцера. Он начинал с детального описания системы каналов от моря до дворцового фонтана. При этом дипломат упоминал даже технические особенности, которые касались, например, подачи воды в канал через шлюз. Сам дворец он называл сравнительно маленьким и еще недостроенным, но отмечал художественное оформление интерьеров голландскими, итальянскими и китайскими картинами. Именно эту коллекцию он хвалил в своем докладе, хотя дворец в целом показался ему не более чем «маленьким и уютным». За подробным описанием здания следовало впечатление француза о дворцовом саде. Особое внимание он уделил большому фонтану, находившемуся в самом центре парка. По словам Кампредона, вода производила приятный шум, что делало прогулку особенным удовольствием. Реляция француза не оставляет сомнений в репрезентативном характере групповой экскурсии для иностранных дипломатов, проведенной самим русским государем. Так, Петр I спросил у Кампредона, поскольку французы всегда славилась безупречным чувством прекрасного, что тот думает обо всем увиденном. Государь хотел знать, нашел ли он в Петергофе что-либо примечательное. Кампредон предпочел дать дипломатичный ответ: все, что было построено во время долгой войны и при таком климате, заслуживает внимания как «великолепный объект»^[20]. В целом донесения Гохгольцера и Кампредона показывают, что европейские дипломаты не только следили за политическими событиями при иностранном дворе, но и вели работу в сфере культурного посредничества.

Экскурсия в Петергоф нашла живой отклик в европейской прессе. Основываясь на разных дипломатических донесениях и статьях из других газет, немецкий журнал «*Europäische*

Fama» (можно перевести как «Европейская молва») опубликовал большую статью о совместной экскурсии российского самодержца с иностранными посланниками. Петр I прекрасно знал инструкции, даваемые европейским дипломатам по поводу содержания их реляций своим дворам. По этой причине экскурсия имела прежде всего репрезентативный характер, направленный на повышение престижа молодой Российской империи в глазах западноевропейских дворов. И этой цели российский государь, несомненно, достиг. В заключительном сравнении дворцовых культур России и Запада «*Europäische Fama*» констатировал, что показанные новые достопримечательности Российской империи не только хорошо продуманы, но и построены с чрезвычайным вкусом^[21].

Кроме подробностей статьи о совместном путешествии Петра I с дипломатами любопытным аспектом репортажа являются оценки, данные журналом культуре при русском дворе. В то же время у издателей нашлись и нелицеприятные слова о придворной культуре России. Это находилось в тесной связи с общей тенденцией обсуждения русского двора в этом журнале, который издавался с 1702 по 1735 гг. в Лейпциге и отличался от обычных ежедневных газет того времени тем, что не только комментировал, но и критиковал важные события на континенте. Основными источниками для журнала служили ежедневные немецкоязычные газеты, издававшиеся под патронатом разных немецких дворов, и неофициальные источники информации. Этот печатный орган можно по праву назвать одним из немногих «критических голосов» европейской прессы XVIII века. Современные исследователи не случайно называют его «историко-политическим печатным органом»^[22].

Главной тенденцией его информационной политики было положительное отношение к Петру I, который, с точки зрения журнала, своими реформами заложил основу для превращения страны из «варварской Московии» в «цивилизованную Российскую империю». По мнению «*Europäische Fama*», главным препятствием для курса реформ являлся отсталый русский народ, который для завершения цивилизационного процесса нуждался в жестком управлении^[23].

Эта тенденция прослеживается и в статье об экскурсии Петра I с иностранными дипломатами в Петергоф. После подробного описания дворца и программы экскурсии по дворцовым покоем следовала общая оценка культурных достижений русского двора. В ней во всей полноте проявилась суть информационной политики «*Europäische Fama*». Несмотря на то, что журнал писал о наличии «каких-то развлечений» и «великокняжеских увеселений» в России, эти мероприятия, по мнению автора, не были так хорошо оформлены и подготовлены, как при дворах иных христианских государей. С одной стороны, констатировалось, что даже при русском дворе существует традиция отмечать не только дни рождения и тезоименитств монархов, но и праздники в честь святых покровителей царских орденов или в память о ратных победах и заключении мирных договоров. Кроме того, журнал уделял особое внимание страсти царя к придворным маскарадам^[24]. Все события, которые в течение первых двух десятилетий XVIII в. стали важными элементами придворной жизни в России, причислялись к приметам европеизации русского двора в целом и праздничного календаря в частности. В этом, кстати, с наблюдателями XVIII в. согласны авторы современных научных трудов^[25]. С другой стороны, несмотря на положительную характеристику русской придворной культуры, «*Europäische Fama*» не мог поставить эту высокую оценку без унижительного комментария об отсутствии культуры в русском народе в целом. В конце концов, авторы приходили к выводу, что во всех помпезных мероприятиях находят отражение и прежние вкусы, которые, конечно, не могли считаться европейцами изысканными. Здесь журнал возлагал надежду на Петра I: его понимание европейской культуры было не только хорошей основой для ее восприятия в среде простого народа, но и являлось отправной точкой для дальнейшего развития стиля придворной жизни в России^[26].

Реляции европейских дипломатов со всей очевидностью повлияли и на общественное мнение о России на Западе. Последующие отчеты императорских эмиссаров свидетельствуют о том, что именно эти первые экскурсии с русским государем произвели неизгладимое впечатление на венский двор. Когда посол граф Амадей Рабутин в 1726 г. по приглашению Екатерины I побывал в Кронштадте и Петергофе, он отослал читателей своего отчета к более ранним донесениям Кинского и Гохгольца. Несмотря на подробное описание, уже данное предшественником, Рабутин еще раз упомянул военно-стратегическое значение Кронштадта. Императорский посол назвал положение порта особенно выгодным, так как небольшая глубина моря и окружающие скалы делали его практически недоступным для врага. Кроме того, узкий вход в порт был настолько хорошо защищен от возможного захватчика, что русскому флоту там было нечего бояться. Помимо удачного укрепления порта он отметил хорошее качество конструкции и снаряжение русских кораблей, которые удивили не только его, но и всех присутствовавших шведских офицеров – более опытных экспертов в морском деле. Что касается Петергофа, Рабутин похвалил только «водопады» как самую впечатляющую достопримечательность дворцового парка^[27].

Краткость описания Рабутина не должна удивлять, так как во время пребывания в Петергофе произошли еще и другие важные события, которые легли в основу серьезных политических изменений в рамках системы международных отношений в Европе. Когда австрийский дипломат вместе с другими путешественниками уже сидел за столом, пришло сообщение о заключении в Вене союза между его государем и Екатериной I^[28]. По словам Рабутина, российская императрица оказалась «тем более довольна» этой новостью, что теперь она могла «без всяких сомнений доверять дружбе цесаря», и ей не нужно было более «сомневаться в тесной связи» между двумя империями^[29]. После такой явной демонстрации дружбы со стороны Екатерины I враги сближения между двумя дворами выразили в своих донесениях недовольство этим событием. Француз Жан Маньян, например, утверждал, что русский и голштинский дворы пришли в большой восторг по поводу заключения союза, потому что ожидали больших выгод от этого альянса^[30]. Итак, совместная экскурсия Екатерины с иностранными дипломатами стала сценой публичного сближения дворов Вены и Санкт-Петербурга.

Приведенные примеры дипломатических путешествий показали, что Романовы по разным причинам брали на себя роль экскурсоводов при иностранных посланниках. Таким дипломатическим путешествиям придавалась функция индикатора взаимоотношений между приглашающим монархом и двором приглашенного дипломата. В то же время, экскурсии были призваны предъявить дипломатическому корпусу достопримечательности Российской империи, что свидетельствует о политическом характере культурных мероприятий при дворах раннего Нового времени. Поскольку эти события долгое время незаслуженно рассматривались как мелочи на фоне масштабных дипломатических событий, их подробный анализ помогает глубже проникнуть в суть политической культуры и коммуникации в XVIII столетии.

Н. Ю. Болотина. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых

В настоящее время церемониалы дома Романовых XVIII в., в том числе и нововведения этого периода в организации последнего пути императоров и членов их фамилий, находятся в поле зрения историков^[31]. При этом основное внимание уделяется порядку погребения царствующих монархов, менее изученными остаются церемониалы других представителей императорского дома.

До начала XVIII в. организацией заупокойных служб по членам царской фамилии занимался Панихидный приказ в составе одного дьяка и одного подьячего^[32], а денежные расходы казны на поминовение умерших государей и их родных осуществлялись Государевой мастерской палатой, о чем сохранились документальные свидетельства в фонде 396 «Архив Оружейной палаты» в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). С петровских времен работу по финансовой и церемониальной подготовке похорон стали проводить специально создаваемые после смерти монарха так называемые «Печальные комиссии», материалы которых отложились в фонде Сената в РГАДА. Здесь же в коллекции «Исторические и церемониальные дела» (Ф. 156), происходящей из архива Коллегии иностранных дел, и в Разряде № 2 бывшего Государственного архива Российской империи хранится ряд интересных документов, связанных с разработкой порядка похорон членов императорской фамилии Романовых. Это специально составленные схемы шествий погребальных процессий с графическими, иногда в красках, изображениями гробов, императорских регалий, орденов, знамен и т. д. Как правило, в последний путь Романовых сопровождали их родственники – представители царствующего дома, гвардейские и армейские полки, придворные, высшие военные и гражданские чины.

Основу церемониала похорон членов императорской фамилии заложил порядок погребения Петра Великого. Церемония похорон была составлена ближайшим сподвижником императора Я. В. Брюсом по образцу французских, немецких и шведских королевских погребений. Похоронный кортеж стал демонстрацией имперских свершений первого российского императора и вызвал необычайный интерес иностранных дипломатов. 24 марта 1725 г. австрийский посланник Себастиан Гохгольцер сообщал императору Священной Римской империи Карлу VI: «Иностранные министры не были приглашены на похороны, но здешнее министерство не только им, но и мне сообщило о том, что было приготовлено приличное место для иностранных министров в церкви, куда они могли бы по желанию собраться; но поскольку они намного больше хотели наблюдать похоронный ход и всю процессию, никто, в том числе и я, не пришел в церковь»^[33].

Вскоре после похорон Сенат опубликовал «Описание порядка державного при погребении блаженная высокославная и вечно достойнейшая памяти [...] Петра Великого» (в Санкт-Петербурге вышло из печати в 1725 г., в Москве – в следующем, 1726 г.). В РГАДА сохранилось схематичное изображение погребальной процессии Петра I в виде свитка с указанием последовательности шествия и рисунками его элементов: гроба, регалий, орденов, штандартов, мечей, орденовских знаков и др.^[34] По этому образцу также в форме свитка был составлен и план церемонии погребения его внука императора Петра II в феврале 1730 г.^[35]

Меньше внимания исследователей привлекали церемониалы похорон нецарствующих женщин из рода Романовых – жен, сестер, дочерей. Здесь также Петром I были приняты нововведения уже при погребении его тетки царевны Татьяны Михайловны, скончавшейся в Москве 24 августа 1709 г. Тело усопшей было выставлено на ложе, покрытом красным

сукном, на гробе лежал золотистый атлас с разводами. Уже на следующий день состоялось погребальное шествие из Кремлевского дворца к месту упокоения в Вознесенский монастырь. Во главе процессии шли священники с хоругвями, с каждой стороны гроба – дьяконы с кадилами, дворяне несли крышку гроба. В последний путь Татьяну Михайловну провожали члены царствующего дома – царевич Алексей Петрович, царицы Марфа Матвеевна и Прасковья Федоровна, царевны. Все были в траурной одежде^[36].

В январе 1716 г. уже в Петербурге состоялись похороны второй супруги царя Федора Алексеевича царицы Марфы Матвеевны^[37]. Умерла она 31 декабря 1715 г., но похоронена была только 7 января 1716 г. в соборе Петропавловской крепости. Сохранилось несколько мемуарных описаний церемонии, в разработке которой участвовал лично Петр I. Торжество отличалось масштабностью: все-таки хоронили вдовствующую царицу, хотя и была она на троне всего 71 день. В знак высокого положения Марфы Матвеевны генерал-ревизор В. Н. Зотов «нес герб российской и имя умершей резное золотое в зеленостях цветов на высоком жезле»^[38].

В погребении принимали участие сам Петр I, царевич Алексей Петрович, царица Екатерина Алексеевна, вдовствующая царица Прасковья Федоровна, сестры и племянницы царя, а также более 500 человек во главе с высшими иерархами церкви. Царица Марфа Матвеевна стала последним членом Дома Романовых, чье отпевание и погребение были проведены по старинным традициям с плачем и причитаниями над гробом усопшего. 25 января 1716 г. Петр I издал указ «о запрещении старинного русского обряда печалования по умершим».

Особой пышностью отличались похороны в 1723 г. вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны – супруги брата Петра I Иоанна V Алексеевича. Ее император уважал и ценил. Он был восприемником племянниц Марии, Феодосьи и Екатерины, заботился об их благополучии и даже использовал их в своих династических проектах. Погребение состоялось 22 октября 1723 г. в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Для прощания с Прасковьей Федоровной открытый гроб стоял на катафалке под балдахином, на котором были вышиты государственный герб, шифр покойной с императорской короной, скипетром и державой наверху. В погребальном шествии участвовали высшие военные и гражданские чины, придворные дамы, гвардейцы, унтер-офицеры и солдаты; процессия двигалась по столице более двух часов. В последний путь Прасковью Федоровну провожали дочери – герцогиня Мекленбургская царевна Екатерина Ивановна и царевна Прасковья Ивановна и императорская чета (Петр I и Екатерина Алексеевна)^[39].

Младшая дочь Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, племянница императора Петра I царевна Прасковья Ивановна (1695–1731) упоминается в литературе довольно редко, как правило, в связи с именами ее родителей. О ней пишут как о болезненной и некрасивой женщине. Испанский посол при русском дворе герцог де-Лириа писал о царевне, что вторая сестра царицы «очень дурна лицом и худоцава, здоровья слабого [...], глупа и имеет такую же склонность к мужчинам, как и сестра»^[40]. Вот как (используя описание из дневника Ф. В. Берхгольца) описывает царевну биограф царицы Прасковьи Федоровны М. И. Семевский: «Бледная, растрепанная, с выдававшимися скулами, осунувшимся лицом; она по обыкновению в дезабилье»^[41]. Он же пишет о пренебрежительном отношении матери к вечно хворой Прасковье Ивановне, которая неразлучно жила с вдовствующей царицей и привыкла к рабскому подчинению ее воле.

После смерти матери царевна Прасковья Ивановна, по свидетельству иностранных писателей, с согласия императора Петра I обвенчалась с генерал-аншефом Иваном Ильичом Старшим Дмитриевым-Мамоновым (1680–1730), происходящим из древнего русского рода Рюриковичей, утратившего княжеский титул^[42]. В октябре 1724 г. у них якобы родился сын, который умер в младенчестве около 1730 г. Недолго после этого прожила и царевна. Прас-

ковья скончалась в Москве 9 октября 1731 г. «по полуночи в 1-м часу во 2 минуте» в возрасте 36 лет и 14 дней.

Церемониал погребения царевны Прасковьи Ивановны был учрежден согласно нововведениям Петра I и очень близок к организации прощания с царицей Прасковьей Федоровной. Организацией похорон руководил генерал-губернатор Московской губернии граф Г. П. Чернышев. В РГАДА сохранилось дело, содержащее «Юрнал от дня преставления Ея высочества блаженныя памяти государыни царевны и великия княжны Параскевии Иоанновны» и описание порядка похоронной процессии, составленные в Кабинете императрицы Анны Ивановны, сестры покойной. Эти документы позволяют подробно рассмотреть порядок шествия царевны в последний путь, элементы церемониала и круг лиц, в том числе Романовых, сопровождавших гроб Прасковьи Ивановны.

Сразу после кончины царевны у ее тела началось пение Псалтыри. На следующий день 10 октября в доме Прасковьи Ивановны был поставлен караул из 70 гвардейцев во главе с капитаном. 11 числа царевна была вынесена из комнаты, в которой она скончалась, в другую, где ее, одетую в шлафрок и юбку из серебряной парчи, положили на кровать под балдахином с завесами «малинового штофу з золотными травами»^[43]. В головах на стене располагался герб, вышитый золотом, комната была убрана шпалерами красного бархата. С этого дня было учреждено дежурство у тела в сутки по 8 кавалеров и дам в траурных одеждах, священники начали чтение Евангелия, у дверей стояли на карауле гвардейцы.

12 октября состоялся указ сестры покойной императрицы Анны Иоанновны о выделении 3 000 рублей на организацию похорон, а на следующий день определен порядок траура императрицы, царевны Екатерины Ивановны, цесаревны Елизаветы Петровны и принцессы Анны Леопольдовны (первые шесть недель – ординарное платье из тонкого черного сукна, на голове убор черный с шнипом и с длинным капором). Траур распространялся и на придворных дам и кавалеров.

14 октября печатные объявления-однолистки о назначении шестимесячного траура были разосланы министрам и генералитету, а также в Московскую полицмейстерскую канцелярию для «публикации в народ»^[44]. С этого времени началась рутинная работа Печальной комиссии по приему траурных вещей, изготовлению траурной одежды для придворных служителей, убранству парадного зала. 20 октября обер-церемониймейстером был определен московский генерал-полицмейстер М. Т. Греков, к нему в помощь – полковник Бухгольц и сенатский обер-секретарь Авраам Сверчков.

За три дня до похорон 28 октября 1731 г. тело царевны было положено в гроб из дубовых досок, оклеенный внутри и снаружи серебряной парчой, который вынесли в зал в ее московском доме на Знаменке (затем на этом месте был построен знаменитый Пашков дом) и поставили посредине на специально изготовленном троне. Трон состоял из трех ступеней, был обит малиновым бархатом и имел покров из серебряной материи, обложенной «золотным позументом» и бахромой. Над головой царевны располагался балдахин из серебряной травчатой материи, украшенный также «золотным позументом» и бахромой, вышитый монограммой покойной и императорской короной. При выносе гроба в зал присутствовали высшие духовные иерархи, духовник царевны Родион Никитин и императорские певчие.

По сторонам гроба было прикреплено 8 «блях», на одной в головах была сделана надпись: «Благоверная государыня царевна державнейше Всероссийской императрицы Анны Иоанновны сестра родная Параскева Иоанновна по долговременных болезнях на вечный неразрушаемого живота покой с великим на милость Божию упованием переселилась»^[45]. На остальных бляхах находились монограммы царевны. 6 скоб и ножки гроба в виде 4 фигур были вызолочены, крышка оклеена серебряной парчой и выложена золотым позументом, на котором была изображена серебряная вызолоченная корона, у крышки располагался орден св. Екатерины (им царевна была пожалована по праву принадлежности к царствующему

дому). Шлейф платья Прасковьи на три аршина спускался из гроба, края платья были украшены «самыми тонкими брабанскими кружевами».

Зал, в котором стоял гроб царевны Прасковьи Ивановны, был обит серебряной парчой. На стенах в виде двадцати столбов были нашиты травы из золотного позумента, из него же сделали поперек в два ряда широкие полосы. Подзоры изготовлены были из золотной парчи с горностаевой опушкой, а на них нашиты российские гербы из черного атласа. На стене против дверей размещалась мантия императорской фамилии из золотной ткани, подбитой горностаевым мехом, а на ней российский герб под короной: «дека того герба резная фигурами и корона деревянные вызолочены, а герб изображен черною краскою»^[46]. Под гербом «на широкой пунсовой ленте» был прикреплен орден св. Екатерины.

По стенам зала помещались написанные золотом монограммы покойной царевны, завесы из белой тафты, а также живописные изображения на досках: образ Иисуса Христа, смерти, одетой в черные одежды, образы «девы сетующия», «девы в синей одежде», «девы в одеянии пунсовом», «девы в белом одеянии».

На троне в головах гроба и на второй ступени стояли обитые серебряной материей табуреты, на которых на подушках из золотной парчи были помещены украшенные бриллиантами и драгоценными камнями корона и орден св. Екатерины. Вокруг трона стояли золоченые и серебряные перила с четырьмя дверями, на них 12 подсвечников с белыми свечами. Зал освещали шесть паникадил под потолком и 16 подсвечников по стенам. В траурное облачение были убраны и все остальные комнаты в доме скончавшейся царевны, перила и стена около ворот на улице.

С 28 октября был открыт доступ к телу Прасковьи Ивановны, как объявлялось через полицмейстерскую канцелярию, «дабы всякого чина люди для должного Ея высочеству блаженныя памяти государыне царевне поклонения и прощения приходили во дворец Ея высочества поутру от 9 часа до 12, а пополудни от 2-го до 5-го часа»^[47]. Такой порядок прощания с представителем дома Романовых стал значительным нововведением, ранее подобного не случалось. За 28–31 октября во дворец было допущено 28 160 человек, причем большинство в последний день – 16 620. С учетом количества жителей Москвы в это время – порядка 130 000, получается, что каждый пятый москвич пришел к гробу царевны Прасковьи. Следует предполагать, что в первую очередь это были придворные, высшие военные и гражданские чины, представители московского и губернского дворянства, купечества.

Спустя почти месяц после кончины, только 1 ноября 1731 г., состоялись похороны царевны. В этот день была запрещена вся торговля в Москве, и особенно продажа «питей» в кабаках. В 8 часов утра все назначенные для проводов в последний путь представителя дома Романовых собрались по сигналу ракеты и после трех залпов из пушек на Красной площади выстроились в установленном порядке. Новый сигнал в 9 часов утра оповестил о начале траурной процессии. Третий прозвучал, когда был поднят гроб, и по нему началась «минутная стрельба с больварков» у Боровицкого моста.

Описание траурного церемониала последнего путешествия царевны Прасковьи Ивановны из своего дома на Знаменке к месту вечного упокоения, сохранившееся в РГАДА, представляет собой уникальное изображение похоронной процессии, на котором имеются схематичные изображения ее участников, гроба Прасковьи Ивановны, хоругвей, креста, ордена св. Екатерины и императорской короны, а также перечень персон сопровождавших царевну к месту захоронения. В отличие от церемониалов Петра I и Петра II документ выглядит не как столбец, а имеет тетрадную форму.

Вдоль всего пути процессии стояли солдаты общим количеством 3 340 человек, образуя две шеренги по правой и левой сторонам, причем в одной шеренге были солдаты с ружьем, в другой – с факелами. Катафалк с гробом сопровождали лакеи с факелами. Перед процессией шли гренадеры, литаврщики и трубачи, за ними верхом шталмейстер и гоф-

фурьер. В первых рядах процессии – камергеры, пажи, придворные кавалеры, синодальные и придворные певчие, затем священнослужители всех рангов, за ними военные – генералитет и офицеры.

Последний путь царевны Прасковьи Ивановны по родной Москве пролегал от Знаменки на Тверскую и в Воскресенские ворота на Красную площадь. Напротив Главной аптеки процессия была остановлена, из здания вышли и присоединились к ней ближайшие родственницы покойной – принцесса Анна Леопольдовна и цесаревна Елизавета Петровна со своими ассистентами. Они заняли место в центре процессии вместе с московским генерал-губернатором Г. П. Чернышевым в окружении «ассистентов генеральского ранга», за ними шли статс-дамы и фрейлины:

«За ними обер-маршал генерал и ковалер и Московской губернии генерал-губернатор Григорий Петрович Чернышев.

№ 19. За оным изволила итти Ея высочество государыня принцесса, при Ее высочестве два ассистента генеральского ранга действительной тайной советник и ковалер граф Андрей Иванович Остерман, генерал-фельдцейхмейстер и ковалер господин граф фон Миних, шлейф несли 3 ковалера придворных, а протчие Ея двора придворные ковалеры шли по обеим сторонам Ея высочества.

№ 20. За Ея высочеством изволила итти Ея высочество государыня царевна Елисавет Петровна, при Ея высочестве два ассистента генеральского ранга генерал и ковалер граф Павел Иванович Ягушинской, действительной тайной советник и ковалер князь Алексей Михайлович Черкасской, шлейф несли 3 ковалера придворных, а прочие Ея двора ковалеры шли по сторонам Ея высочества»^[48].

По неизвестным причинам Анна и Екатерина не провожали свою сестру в ее последнем путешествии, хотя императрица вместе с двором и высшими государственными учреждениями переехала из Москвы в Санкт-Петербург только в 1732 г. Иностранные дипломаты наблюдали за погребальным шествием «из дому, где имеется библиотека, что у Спасского мосту»^[49].

В то время как гроб с телом царевны Прасковьи Ивановны проносили через Воскресенские ворота, рядом с бастиона опять прозвучала минутная стрельба. Она была остановлена сигналом ракеты только тогда, когда гроб с телом царевны внесли в Воскресенский женский монастырь, расположенный около Спасской башни слева почти вплотную к кремлевской стене. Воскресенский монастырь был местом последнего упокоения представителей московского великокняжеского рода и царского рода Романовых (разрушен в 1929 г., белокаменные саркофаги с останками перемещены в подземную палату южной пристройки Архангельского собора).

В монастыре была совершена литургия, после которой началась «духовная погребальная церемония», сопровождавшаяся стрельбой на Красной площади из 39 пушек и беглым огнем из мелкого ружья. Слово над телом Прасковьи Ивановны говорил знаменитый проповедник Феофан Прокопович. Он поэтически определил место царевны Прасковьи Ивановны в российской истории: «Великого древа золотая ветвь, царствующего дому дражайший бисер: от зачатия и рождения своего высочайшую славу получившая. Порфирородная девица, монаршая дочь и внучка и правнучка и племянница и сестра благоверная государыня царевна и великая княжна Параскева Иоанновна скончала жизнь свою. О, коль горестный всем слух сей!»^[50].

При опускании гроба вновь зазвучали пушки и ружья на площади. Он был поставлен в высеченный из одного камня саркофаг и покрыт каменной плитой, а сверху была сложена гробница из кирпича и накрыта покровом из красного бархата, вокруг располагалась решетка, выкрашенная зеленой краской, столбики и репы покрыты золотом. Погребальная церемония закончилась в три часа дня. До 18 ноября в Воскресенском монастыре при гроб-

нице царевны Прасковьи Ивановны дежурили придворные кавалеры и дамы. На милостыню в монастыри было роздано 459 руб.

Сохранившиеся в РГАДА схемы погребальных процессий императоров и членов дома Романовых, в том числе и обделенной вниманием историков царевны Прасковьи Ивановны, являются интересным визуальным источником, позволяющим наглядно представить всю последовательность процедуры шествий, их основные элементы и расположение действующих лиц. Позволим себе высказать предположение о том, что исследуемые документы составлялись до похорон с целью предварительного планирования траурной церемонии.

Г. В. Ибнеева. Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий

Статья посвящена взаимодействию императрицы Екатерины II с российским дворянством в ходе высочайших путешествий. Изучение данной проблемы позволяет, с одной стороны, обозначить пространство легитимации власти в церемониале встреч императрицы с российским дворянством, с другой – показать приоритеты ее политики в отношении первенствующего сословия.

Церемониал императорских путешествий – это не только совокупность церемоний, но и процесс коммуникации монарха и населения, легитимирующий власть монарха. В этом отношении церемониал путешествий императрицы по стране свидетельствовал о значимости дворянства для верховной власти. Встреча Екатерины с первенствующим сословием начиналась уже на границе наместничества или губернии^[51]. Въезжая в губернский город, как правило, она выстаивала службу в местном соборе, посещала дом губернатора или здание дворянского собрания, где встречалась с дворянством, бывала на балах. После этого она уже принимала приглашение городского общества, встречалась с инородцами, если таковые прибывали к моменту ее приезда в город.

В церемониальных мероприятиях с императрицей дворянство участвовало постоянно, сопровождало ее из города в город, присутствовало и прислуживало ей во время обеда^[52]. В этом, конечно, отражается особая честь – привилегия для первого сословия. Понятно, что за обеденным императорским столом и вблизи августейшей путешественницы находились преимущественно служилые чины губернии и уездов первых шести классов Табели о рангах^[53]. Это подчеркивало высокий статус служилого дворянства, его первенство перед не служившим.

Приезд императрицы давал импульс для составления речей, од, хвалебных слов, которые озвучивались представителями дворянства в момент встречи с ней. Понимая, что за этим творчеством могли быть определенные ожидания, все же следует отметить, что данные тексты являют собой пространство легитимации власти. Один из ее аспектов – установление преемственности существующей власти с предшествующими монархами. В этом отношении наиболее часто встречающийся тезис в этих речах – в Екатерине воплощен образ Петра Великого, продолжательницей дел которого она является, – был для нее весьма актуален. Екатерина, узурпировавшая российский престол, особенно нуждалась в подтверждении своей идейной наследственности от Петра I: она является законной преемницей не по родству, а по духу и идеологической мощи преобразований.

Причем сравнение императрицы с Петром, и тем самым ее возвеличивание появляется уже в самом начале царствования, когда реформы еще только подготавливались и не были проведены. Так, в Ярославле 25 мая 1763 г. речь лейб-гвардии капитана Н. И. Тишнина отразила этот момент: «Вы обновили его [Петра] присутствие здесь, Вы подтвердили своею особою нам то, что уже памятно отцами нашими сказываемые о том слова: мы теперь видим великого Петра, в тебе, Великая Екатерина, подражательница дел его, всевожденнейшая государыня»^[54]. Преемственность власти подчеркивается лексикой, устанавливающей родственную связь между монархами: Екатерина называется «правнукой» Петра, сам же Петр – «отцом», иногда «дедом»^[55].

Екатерина, безусловно, понимала символическую важность причастности к династии и посещала значимые для династии места. Пребывая в Костроме во время путешествия по Волге (1767), она посетила Ипатьевский монастырь, который символизировал легитимность и преемственность ее царствования в династическом плане, поскольку именно отсюда

начался путь фамилии Романовых на российский престол. Осознание императрицей этой ассоциативной связи проявляется и в ее письме к Н. И. Панину от 15 мая 1767 г.: «Я пишу в Ипатском монастыре, который прославлен в истории нашей тем, что из него Царь Михайло Федорович на Царство веден к Москве, и истинно сие место и видом, и богатством украшений в церквах почтенно»^[56]. Очевидно, что и у дворянства присутствует это понимание: в речи местного предводителя дворянства говорилось, о том, что «время старалось сберечь для приема государыни то самое царское место, на котором был избран благочестивый царь Михаил Федорович». Тем самым воспроизводилось символическое воссоединение Екатерины с Михаилом Романовым^[57]. Этот мотив прослеживался и в изобразительном ряде триумфальных ворот, построенных к приезду Екатерины в северной стене Старого города: на аттике находилось живописное панно с изображением Екатерины II и Михаила Федоровича. Над въездом был помещен вензель императрицы^[58].

Одно из оснований легитимности власти в XVIII в. состояло в том, что целью власти провозглашалось общее благо всех подданных – их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. В речах предводителей дворянства концепт «общее благо» отражен и связан с личностью государыни. Это представление об императрице как попечительнице об «общем благе» определяется испытаниями тяжестей самого путешествия, что подчеркивается и выбранной риторикой: монархиня предпринимает путешествие в отдаленные от столицы места в «зной солнечный», в «бурную непогоду» «единственно для пользы подданных»^[59].

Встречи Екатерины с дворянством вызывали чувство единения: она консолидирует вокруг себя первенствующее сословие. Дворяне выступают монолитной общностью, связанной едиными интересами, культурными запросами, сословными нуждами. Временами это впечатляет как императрицу, так и ее окружение. Не случайно И. Г. Чернышев, возглавлявший императорскую флотилию в путешествии по Волге, в Костроме был до слез растроган встречей с местным дворянством. Как пишет Екатерина Н. И. Панину, «он весь обед проплакал от здешнего дворянства благочинного и ласкового обхождения»^[60]. Понятно, что сохранившиеся документы личного происхождения отражают идиллическую, елейную картину отношений власти и господствующего сословия. Однако в присутствии императрицы иначе и быть не могло. В рассматриваемых нами источниках отражается традиционно сложившаяся социально-психологическая связь монарха и дворянства, которая регулировалась не законом, а чувством преклонения перед авторитетом монархии.

Внимание императрицы было обращено не только на губернское дворянство: она встречалась и с уездным небогатым шляхетством, часть которого стекалась в города, куда прибывала высочайшая особа. Некоторые из уездных дворян в момент остановок императорского кортежа на различных станциях также могли присоединиться к этому «спектаклю счастья», обменяться с государыней чувствами привязанности. С. Н. Глинка, сын небогатого дворянина, капитана-исправника, вспоминая о небольшой остановке царицы в 1780 г. в их Холмянской деревне Духовщинского уезда, отмечал ее способность найти общий язык с разными поколениями, подходящее доброе, ласковое слово для каждого^[61].

Р. Уортман, изучая церемониал российских монахов, отмечал, что Екатерина использовала церемониальные возможности поездок, показывавшие попечение монарха о своих подданных и их демонстративное одобрение ее забот^[62]. Радение о первом сословии выражалось в ее особом внимании к детям дворянства. Так, императрица принимала участие в крестинах дворянских детей. В Смоленске 15 января 1787 г. она благоволила «быть приемницей [...] младенца женского пола, рожденного от господина губернского предводителя [...] Степана Юрьевича Храповицкого»^[63]. 15 мая 1787 г. Херсоне она «принимала от купели новорожденную дочь генерал-поручика А. Н. Самойлова»^[64]. Понятно, что это были дети

представителей высшей местной бюрократии. Однако ее чуткость проецируется на детей различных страт дворянства.

Одним из средств показать свое благоволение к первому сословию страны являлось «высочайшее» пожалование дворянским детям либо чина, либо определения в кадетский или пажеский корпус. С. Н. Глинка писал о том, что он и его младший брат были записаны Екатериной в Сухопутный кадетский корпус. Старший же брат – в Пажеский корпус. Подобное внимание вызвало у членов семьи «душевное восхищение» и искреннее выражение личной преданности^[65]. Данный факт был, конечно же, не единичным. Представление сценария счастья и взаимной привязанности, реализуемого в ходе путешествий императрицы, выражало завершенность союза благодарного дворянства и благожелательного монарха, который понимал их нужды^[66]. Не только в силу статусного мышления господствующего сословия, но и небольших денежных и материальных средств, для мелкого и среднего шляхетства это было действительно значимо.

В деле модернизации государства особая роль принадлежала первому сословию. Именно оно должно было управлять страной, из его среды, прежде всего, рекрутировались кадры для функционирования местных учреждений. Поэтому другим важным вопросом, занимавшим Екатерину в ее поездках по стране, была проблема образования и обучения детей дворянства. В России довольно долгое время отсутствовала единая система государственных учебных заведений (на общеобразовательном уровне). Эти заведения подчинялись учреждавшим их различным ведомствам, были разобщены в организационном и методическом плане^[67]. В силу этого правительство Екатерины II находилось в процессе поиска образовательной модели, соответствующей условиям Российской империи^[68]. Поэтому во время путешествий по стране императрица обращает внимание на учебные заведения. Во время ее проезда через города должностные лица по повелению Екатерины посещали учебные заведения. Так, 31 мая 1767 г. директор Академии наук граф В. Г. Орлов вместе с придворными императрицы побывал в Казанской гимназии. Во время путешествия Екатерины в Крым инспекции учебных заведений проводил генерал-адъютант граф Ф. Е. Ангальт^[69].

В условиях отсутствия общегосударственной системы образовательных учреждений императрица приветствует инициативу дворянства в этих вопросах. Так, во время пребывания в Смоленске в 1787 г. она с воодушевлением приняла известие о том, что у судьи Совестного суда С. Ю. Храповицкого есть домашнее училище для бедных дворян. Екатерина побывала в его доме и посетила учебную комнату, где шел урок по русской истории. Конечно, Екатерина еще не могла убедиться в результатах своих усилий в области повышения культуры населения. Однако, для нее, как человека деятельного, была ценна сама инициатива дворянства в деле открытия образовательных учреждений. В этом, возможно, она видела и поддержку своим собственным начинаниям. Ведь для нее проблема образования, как исповедовали просветители, была сопряжена с идеей всеобщего благоденствия: просвещение должно способствовать более гармоничной организации общества и стремлению к всеобщему благу. Находясь в доме Храповицкого, она высказала пожелание, чтобы и «другие достаточные помещики для пользы бедных подражали его примеру»^[70].

Одной из важнейших задач, которую ставила верховная власть, являлось повышение культурного уровня дворянства. Императрица, общаясь с представителями господствующего сословия, делает для себя определенные выводы относительно его культурного уровня, образования, светскости. Так, в письме к Н. И. Панину она положительно отзывалась о костромских дворянах, которые приехали приглашать ее в Кострому: «Дворянство [Костромы] делает великие приготовления к моему завтрашнему приему, к чему они меня пригласили особливими двумя депутатами, кои то исполнили *весьма изрядным комплиментом* (здесь и далее курсив мой. – Г. И.)»^[71]. Данное письмо свидетельствует о том, что Екатерина желала видеть в первенствующем сословии. Поскольку на него императрица возлагала

особую роль (оно должно было активно участвовать в управлении страной, в деле предстоящего реформирования общества и государства), то для нее было важно увидеть, что в российской провинции есть дворянство достаточно цивилизованное, соблюдающее правила культурного поведения – правила «людкости» – в терминологии того времени. Очевидно, что изящество приглашения костромичей, их вежливость и ловкость в обращении с государственной и были ею замечены.

Следует заметить, что и прием в Костроме был ею особенно отмечен именно в силу культурного уровня принимающего дворянства. Костромских дворян можно было смело представить иностранным министрам, находившимся в ее свите. Последние же должны были сделать рекламу за границей о том, что в России тоже есть цивилизация. Так, в письме к А. А. Вяземскому государыня писала: «Господа костромичи во всем себя отменно вели в приеме, в провожании и в прощании и ото всех похвал достойную получили; и не стыдно было министрам [т. е. иностранным послам. – Г. И.] показать всю их весьма пристойныя поступки и распоряжения»^[72].

Императрица понимала необходимость для российского общества «смягчения нравов». Для нее «цивилизованное поведение» включало в себя и повышение общей культуры, и умение соответственно вести себя в обществе. В частности, театральные представления в гимназии она рассматривала как одно из средств цивилизовать дворянское население. Во время высочайших обедов говорилось не только о делах, но велись беседы и о культуре. Например, 29 мая 1767 г. в Казани за императорским столом беседовали о театральных спектаклях и о тех комедиях, которые представляли тогда в российских театрах. Августейшая особа с похвалой отозвалась о Расине и Корнеле, а также и о «российском театральном стихотворце господине Сумарокове». В разговоре она заметила, что ей известно, что и в Казанской гимназии ученики представляли комедии и трагедии данных авторов^[73]. Тем самым Екатерина дала понять, что это примечательный факт, и она оценивает это как благо.

Известно, что директор местной гимназии Юлий Иванович Каниц с самого начала своего приезда в Казань убеждал учеников принимать участие в постановке пьес, а почтеннейших жителей Казани бывать на них. В Рождество, Масленицу, Пасху и каникулы в гимназическом зале давались представления. Причем директор не жалел собственных средств для их организации. Театральные пожертвования (платы за вход) давали возможность поддерживать материально нуждающихся учащихся гимназии. Учениками разыгрывались известные пьесы – комедия «Школа мужей» Мольера, трагедия «Синав и Трувор» А. П. Сумарокова; прологи и балеты, сочиненные самим Ю. И. Каницем^[74].

Узнав, что театральные зрелища прекратились по причине сложных отношений между губернатором и директором гимназии, Екатерина выразила по этому поводу сожаление Квашнину-Самарину: «То весьма сожалительно, что таковые представления в городе Казани оставлены и господину губернатору должно таковые предметы поддерживать и об улучшении их заботиться»^[75]. В разговоре с губернатором она отметила, что не только малолетних учеников, но и само дворянство необходимо привлекать к этому делу. Обосновывала она это тем, что «сим оные научаются приятности в поведении и обращении, которые не токмо в столицах, но и в разных провинциях российского государства видеть желательно»^[76]. По сути, императрица подавала губернатору мысль о необходимости возобновления данных спектаклей^[77].

Очевидно, что подобные внушения монарха имеют большое значение. Е. Н. Марасинова отмечала, что «на уровне обыденного сознания законом являлась высокая воля ее императорского величества, а законопослушанием» – исполнение ее «ничего не разбирая» и «не щадя сил и самой жизни»^[78]. Дворянское общество Казани осуществило пожелание императрицы. Фон Каниц впоследствии представил реляцию о торжествах, проводимых в Казан-

ской гимназии, в Московский университет. 10 апреля 1771 г. в Казанской гимназии представляли «Синава и Трувора»^[79].

В некоторых городах, в которых пребывала императрица, дворянским обществом давались спектакли, что должно было свидетельствовать о его высоком культурном уровне. В Смоленске 3 июня 1780 г. дворянством была представлена российская комедия с хором. Во время бала в зал вступила «кадрилия», которая танцевала «сделанный для нее [государыни] нарочно контртанец». Екатерина пожаловала всем участвовавшим в спектакле и кадрили подарки^[80]. В Орле 17 июня 1787 г. в спектакле принимали участие представители избранного орловского общества: были сыграны две пьесы – «Соломон II, или три султанши» и комическая опера «Ворожея». По окончании спектакля хор исполнил концерт, сочиненный на случай прибытия в Орел Екатерины^[81]. Таким образом, дворянство выбирало определенную модель поведения – модель культурного просвещенного сословия. В этом заметно его желание показать, что оно соответствует культурным запросам императрицы и является в силу этого подлинной опорой трона. Культурное пространство объединяло дворянство и императрицу общностью интересов.

Анализируя тексты, представляющие прием высочайшей особы, следует отметить отсутствие в них, как правило, сюжетов, способствующих омрачить настроение императрицы. Прежде всего, это касается официальных источников и большей части документов личного происхождения. Тем более представляется важным выявить источники, свидетельствующие о том, что российская монархия не проходила мимо проблем, касавшихся жизни дворянского общества. В письме к А. А. Вяземскому от 3 июня 1767 г. Екатерина писала, что столкнулась в Казани с *проблемой самоуправления* казанского дворянского общества. В этом городе она с удивлением обнаружила раздоры как в среде местной администрации, так и между местной властью и дворянами. К моменту ее приезда здесь продолжалась ссора между казанским губернатором А. Н. Квашниным-Самариным и большинством дворянства, вдохновляемого губернским прокурором П. Есиповым. Последний распускал слухи, порочившие личность губернатора, и тем самым отталкивал от представителя власти местное население^[82].

Данная ситуация отразила характерный тип отношений губернатора и губернского прокурора того времени: они были довольно сложны. С одной стороны, губернаторы были склонны смотреть на прокурора, чиновника ниже себя рангом, жалованием и положением, как на своего подчиненного. В то же время теоретически власть проводила линию на то, что прокуроры являются независимыми от губернаторов и воевод. По действовавшим законам они наблюдали за закономерностью действий губернской администрации и были подчинены генерал-прокурору Сената. Вместе с тем, для тех же прокуроров были обычными противозаконные действия, как-то: взяточничество, превышение власти, пользование этой властью в своих интересах, брань, буйство, драки, нередко в пьяном виде. К рассматриваемому времени определяется концепция императрицы относительно компетенции губернской власти. Как отмечал Ю. В. Готье, «Наставление» (1764) делает губернатора «поверенным монарха»: он «есть ответственное и в то же время доверенное лицо государя». Ему, истинному опекуну своей губернии, подчиняются (за исключением столичных губерний) все местные учреждения, дотоле от него независимые^[83]. В черновом наброске к «Наставлению» подчеркивалось, что губернатору следовало быть хозяином в своей губернии. В его обязанность входит «смотреть, всякий исполняет ли свою должность и законы; в противном случае он понуждать власть имеет»^[84]. Екатерине было особенно неприятно, что Есипов портил имидж представителю коронной власти, в результате чего тот уже «не мог отправлять дела» так, как это было необходимо^[85].

Разумеется, этот конфликт подлежал немедленному разрешению. Отметим те средства, которые использовались властью для смягчения ситуации. Императрица была в курсе тех

сплетен, которые «суть более с бабьей стороны», как отмечалось ею в письме к Вяземскому. Она действовала не напрямую, а через своих приближенных. По ее приказу увещевания были обращены к обеим сторонам: «Я за благо нашла налить с обеих сторон воду в вино, дабы вырозуметь, а не сказать, что то делается по моему приказанию»^[86]. Особое внимание было обращено на вдохновителя ссоры – П. Есипова. Губернскому прокурору было внушено, что в силу своего поведения он может не только потерять свое место, но и вовсе лишиться возможности проживать в Казанской губернии, как человек, «не любящий мира и тишины». На следующий день по ее указанию к Есипову обратились с советом помирить всех и тем самым изменить мнение о нем самом. Он взялся за примирение после первого же увещевания^[87].

Обо всем этом императрица писала А. А. Вяземскому. Видимо, мысли о «сих распрях» продолжали ее беспокоить, и она решила принять дополнительные меры для прекращения вражды. Вяземскому было рекомендовано написать губернскому прокурору письмо от себя (т. е. от имени генерал-прокурора, непосредственного начальника), в котором было бы отмечено, что о нем, Есипове, говорят как об источнике ссоры, в то время как желание императрицы состоит в том, «чтобы тишина везде сохранялась». Однако вместе с данными внушениями должна была быть подтверждена и его должность^[88].

В целях предупреждения повторения конфликта внутри дворянского общества, Екатерина пыталась выяснить причины враждебного отношения к губернатору. Очевидно, не последняя роль принадлежала здесь жене губернатора, поскольку императрица пишет Вяземскому, что ей «уже вымыли голову». Высокомерное поведение губернаторши стало одним из источников неприязни дворянского общества к губернатору и явилось предметом разговоров в городе. Жене губернатора через сторонних лиц дают совет, чтобы она была приветливее и ласковее с людьми^[89]. В этом деле можно отметить средства погашения конфликта в дворянском обществе Казани. В отличие от ситуации в Ярославле, где власть энергично воздействует на городскую общину (там наблюдался раздор между купцами первых двух гильдий, заседавших в городском магистрате), где воевода города отстраняется от должности, в отношении к дворянству Екатерина действовала более тонко. Возмутитель спокойствия Есипов не лишился места: ему было сделано внушение через ближнее окружение императрицы, хотя, как должностное лицо, он мог быть и устранен. В этом сказалось особое отношение монархини к дворянству как опоре трона. С другой стороны, будучи человеком деятельным и рациональным, она понимала, что любую ситуацию можно переломить, направить в нужное русло. Это был знак новой наступившей эпохи, в которой решающая роль в процессе преобразований отводится воспитанию не только человека, но и общества в целом. В деле воспитания дворянского общества методы убеждения и внушения преобладали над административными мерами.

Как власть воспринимала проблемы, стоявшие перед дворянским населением? Сохранившиеся официальные документы, в том числе актово-законодательный материал, позволяют выявить хозяйственно-экономические потребности дворянства. Одна из проблем, которая волновала дворянство, – *межевание земель*^[90]. Как известно, в первой половине XVIII в. хаотичное состояние земельного права вело к яростным конфликтам между землевладельцами, приводившим к повсеместному захвату земель. Еще в царствование Елизаветы Петровны в 1754 г. вышел указ о генеральном межевании, которое должно было отделить частновладельческие земли от государственных и удовлетворить права на землю их владельцев. Елизаветинское межевание было приостановлено в связи с нехваткой средств, а также необходимостью пересмотреть принцип его организации, изложенный в «Инструкции межевщикам» 1754 г. (обязательное требование от землевладельцев подлинников документов на право владения)^[91].

Екатерина II возобновила дело Елизаветы Петровны. Манифест 19 сентября 1765 г. показывал, что целью межевания являлось государственное и «народное спокойствие». В манифесте содержались новые подходы к межеванию, отделявшие обмер и описание земель и их продукции от вопросов о правах собственности. Главным принципом межевания служили не права собственности землевладельца, а установление размеров и границ земли, принадлежавшей той или иной деревне, независимо от количества ее владельцев или принадлежности государству^[92].

Межевание проходило постепенно, не одновременно. Поэтому данная мера оставалась насущной для целого ряда внутренних российских губерний и в 80-е годы XVIII в. Проезжая через Псковскую губернию в Белоруссию (1780), Екатерина слышала просьбу дворян и жителей о скором введении межевания. О том, что власть быстро на это реагирует, свидетельствует указ от 17 ноября 1780 г., информирующий население о намечаемых правительством мероприятиях. В документе отмечалось, что еще указом от 13 апреля 1778 г. было предписано перевести Тверскую Межевую контору в Псковскую губернию. Поскольку императрица не имела сведений о том, закончит ли в следующем году свою работу данная контора, она повелела учредить особую Межевую контору «с довольным числом партий землемерных». В данном документе утверждалось, что межевание в Псковской губернии непременно начнется весной 1781 г. В силу этого дворяне губернии должны быть осведомлены об этом событии, чтобы наготове встретить землемеров: приготовить поверенных с надлежащими по форме «верющими письмами», на случай же споров представить «крепости»^[93].

Как известно, вследствие активной внешней имперской политики России, в результате ее участия в первом разделе Польши, 70-е годы XVIII в. ознаменовались включением в состав России белорусских земель. Шел процесс интеграции этих земель в институциональные структуры империи. Внимание Екатерины проецируется и на шляхетство недавно присоединенных земель. В Белоруссии проблема межевания являлась также актуальной. Вопрос о межевании, как средстве прекращения частных споров, поднимался в Полоцке и Могилеве. Императрица обещала там ввести межевание после того, как оно будет проведено в ближайших губерниях^[94]. Таким образом, власть довольно оперативно реагирует на просьбы дворянства, связанные с межеванием земель.

Императрица, конечно, желала видеть в жителях присоединенных территорий верных подданных. Однако, в отношении населения западных губерний необходимо было сочетать политику кнута и пряника. Власть пользовалась желанием местной шляхты получить российские чины, поскольку одним из средств интеграции края являлось участие дворян в местном управлении, в работе государственных учреждений. А. А. Безбородко, побывав в Белоруссии вместе с императрицей, писал о поляках: «Они довольно не дики стали. Вся же амбиция простирается к получению чинов российских и к записке детей в гвардию»^[95]. У Екатерины присутствует понимание этих нехитрых желаний. Как свидетельствует современник Г. Добрынин, она, пребывая в Белоруссии, приказала генерал-губернатору З. Г. Чернышеву подать ей список всех дворянских служащих, находившихся на выборных должностях, и пожаловала их чинами тех степеней, какие они «по выбору» занимали. Таким образом, отмечает мемуарист, «не одному хорунжему или простому шляхтичу досталось в ранг подполковника», т. е. в надворные советники^[96]. Так власть укрепляла свои позиции в среде дворянства присоединенных территорий.

* * *

Помимо вопросов образования и повышения культурного уровня дворян, императрицу заботили мысли о *дворянском благополучии*. Она с чуткостью относилась к тому, что касалось дворянских судеб: не оставляла без внимания врученные ей прошения от дворянства.

Во время пребывания в Казани в 1767 г. ей подали челобитную родственники казанского помещика отставного майора Льва Молоствова. После смерти жены на его попечении остались малолетние дети от второго брака: трое сыновей и одна дочь. Позже, когда глава семейства лишился ума, детей отдали родственникам. Видимо, попечение было не особо хорошим, поскольку другие родственники обратились к высочайшей особе за помощью. Так или иначе, она повелела казанскому губернатору А. Н. Квашнину-Самарину детей от родных отобрать и подумать, как лучше устроить их воспитание, о чем и представить на высочайшее рассмотрение^[97].

Характерно, что Екатерина не отдавала все на откуп местной администрации, а взяла это дело под свой личный контроль и требовала определенной отчетности. Сохранились рапорты казанского губернатора А. Н. Квашнина-Самарина, свидетельствующие о том, как это повеление выполнялось^[98]. Ситуация с семейством Молостовых высвечивала и проблему состояния дворянской экономии, в том числе и крестьянского хозяйства, крепость которого являлась основой состоятельности, благополучия дворянской семьи. Вниманием к этой истории императрица формировала и укрепляла понимание ценности человека, гражданских и юридических прав отдельной личности.

В ходе последующих поездок Екатерины по стране дворяне обращались к ней со своими семейными проблемами, и она не оставляла их без внимания. Характерно, что даже в решении этих вопросов она апеллировала к основанным ею учреждениям – Совестному суду. Совестный суд, созданный учреждениями 1775 г., являлся всесословным органом, сочетавшим в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и прокуратуры. Такой суд учреждался в каждой части города и состоял из одного или более судей и нескольких присяжных. Отдавая эти прошения в Совестный суд, Екатерина была уверена в скором решении этих дел. В Киеве в 1787 г. она дает поручение генерал-губернатору Малороссии П. А. Румянцеву употребить все возможные, законами позволенные, средства убедить «совестью» надворного советника Михаила Губчица помириться с женой или назначить ей из своего имения содержание. Румянцев распорядился Новгород-Северскому Совестному суду решить этот вопрос^[99].

На первый взгляд, взаимодействие российской императрицы с дворянством носило церемониальный характер. Харизматический образ императрицы, представленный в церемониале путешествия, отражал ее попечение, заботу о населении, в том числе о дворянстве. Однако эти встречи и консолидировали дворянское общество вокруг монаршей особы, и отражали значимость для верховной власти первого сословия страны. Дворянство публично заявляло о своей лояльности и преданности, что отражалось и в церемониальных текстах. Возможности церемониала путешествий позволили императрице укрепить связь с опорой трона – первенствующим сословием страны. Таким образом, коммуникация Екатерины II и российского дворянства в церемониале путешествий способствовала легитимации императорской власти и тем самым усилению ее политического ресурса.

С другой стороны, политическая практика императорских путешествий определяла для власти приоритетные задачи в дальнейшем развитии дворянского сословия, связанные с улучшением экономического, материального положения господствующего сословия, а также с повышением его культурного и политического уровня. Таким образом, практика поездок императрицы опровергает суждение М. М. Щербатова о том, что, путешествуя по стране, Екатерина «видела и не видала»^[100], т. е. ей была представлена лишь та картина процветающей империи, которую она хотела видеть. Даже в ее общении с первенствующим сословием страны не чувствовалось полного благополучия: императрица столкнулась и с проблемами самоуправления дворянского общества, и с вопросами, касающимися земельных отношений; ей подавались и челобитные, касающиеся нелегких судеб отдельных дворянских семей.

Е. В. Беспалая. Последний путь странствующего императора Александра I

Двадцатичетырехлетнее правление Александра I, – наиболее загадочного, по мнению современников и историков, представителя дома Романовых, – сопровождалось многочисленными путешествиями. Вступив на престол, император на протяжении «четверти века почти ежегодно предпринимал длительные вояжи [...] Он исколесил Россию от Архангельска на севере до Севастополя на юге и Златоуста на востоке. Западные ее пределы – со шпагой ли военачальника, с портфелем дипломата – он множество раз пересекал во время зарубежных поездок»^[101]. Необходимость совершения венценосным правителем поездок в пределах огромной страны была вызвана рядом причин, в числе которых было желание ознакомиться с состоянием дел в Москве, российской глубинке и во вновь присоединенных территориях – Бессарабии, Польше и Финляндии с тем, чтобы «ускорить своим присутствием исполнение сделанных распоряжений».

Путешествия монарха за пределы империи в период противостояния России и наполеоновской Франции были обусловлены стремлением участвовать в военных кампаниях. Первоначальная попытка Александра I взять под свой контроль действия верховного командования русской армии, которой в 1805 г. под Аустерлицем противостояла армия Наполеона, обернулась горьким разочарованием из-за поражения русско-австрийского военного альянса. Но в результате военной кампании 1813–1814 гг., в которой царь принял активное участие и сыграл важную роль, была одержана победа над Наполеоном. В наступившую «эпоху конгрессов» в 1815–1822 гг. по окончании общеевропейской войны возникла необходимость присутствия монарха победившей державы на многих международных конгрессах, проходивших в Вене, Ахене, Троппау, Лайбахе и Вероне. Российский император совместно с монархами союзных держав – Австрии, Пруссии и Англии, – создавал новый миропорядок в Европе, а затем и принимал меры к его сохранению.

В промежутках между заседаниями конгрессов Александр I в сопровождении узкого круга доверенных лиц совершал визиты частного характера в Лондон, Брюссель, Париж, Берлин. Длительное отсутствие Александра I в стране не мешало ему заниматься государственными делами. По прибытии курьеров из Петербурга, царь в присутствии начальника Главного штаба князя П. М. Волконского, которого в 1823 г. сменил на этом посту генерал-адъютант И. И. Дибич, знакомился с корреспонденцией, писал распоряжения и указы, а затем отправлял их по назначению.

Стремление императора к «беспрестанной перемене мест» было вызвано не только соображениями государственной целесообразности. По мнению историка Н. К. Шильдера, оно порождалось желанием Александра I заглушить новыми впечатлениями то мрачное мистическое настроение, которое овладело им по окончании войны с Наполеоном, борьба с которым потребовала огромного напряжения сил. С годами светская жизнь в столице вследствие перенесенных утрат и разочарования в жизни все меньше привлекала монарха. В то же время «нескончаемые путешествия» помогали бороться с тоской и обретать душевное равновесие. Обязательной частью путешествий было общение с народом, посещение храмов и больниц, участие в церемониях по закладке храмов и открытию памятников^[102].

Однако эти путешествия несли в себе и риск для жизни императора, о чем сообщал в своих письмах генерал-адъютант князь П. М. Волконский, неизменный спутник царя во многих поездках. В ноябре 1818 г. перед отъездом из Ахена в Брюссель был раскрыт заговор, организованный французскими офицерами, «изгнанными из страны», которые намеревались арестовать царя и, «приставя пистолет ко лбу, заставить Государя подписать декларацию в пользу Бонапарте и его сына». Были приняты меры по обеспечению безопасности

проезда императора и «так сокрыты были удачно, что Государь» не догадывался о них на всем пути в Брюссель и обратно. Двумя годами позже в поездке из Троппау в Вену в декабре 1820 г. коляска с императором на полной скорости ударила на повороте «в самых воротах городских» и «была отброшена в другую сторону», едва удержавшись на ходу. По словам князя, их «сам Бог спас». Возмущенный неосторожной ездой немецких извозчиков, он с опаской думал о предстоящей поездке из Вены в Лайбах, дорога в который была еще хуже, «и ужасно гористо, а от морозов и снега очень скользят экипажи, от чего легко можно быть в канаве»^[103].

Не менее сложным и опасным было путешествие по Финляндии, которую император посетил летом 1819 г. Путь по реке и озеру в финский город Каяни едва не обернулся бедой. Шлюпки шли на полных парусах, когда поднялась буря, и волны стали подниматься «так высоко, что ничего не было видно», заполняя шлюпку. Промокший, но внешне спокойный царь, «спросил у капитана по-английски: не опасно ли?» и услышал ответ, что нет никакой опасности. Однако вскоре шквал сломал ручку руля, путешественников «спасла запасная ручка, которую капитан успел надеть вместо сломанной». Обратно возвращались по совету князя Волконского «сухим путем», по узким гористым тропам и болотистой труднопроходимой местности пешком или верхом на лошадях^[104].

Длительные поездки, требовавшие от Александра и его окружения хорошей физической подготовки, заканчивались иногда трехчасовым ночлегом, а затем путешественники вновь отправлялись в путь. «Ночь в дороге император проводил по-спартански – на походной кровати, на жестком сафьяновом матраце, который набивался сеном»^[105]. В осеннюю погоду добирались нередко по размытым дорогам, зимой на санях. При этом монарх «предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это было чревато обморожением». В «студеном декабре 1812 года», выехав в город Вильно к армии, «император пять дней провел в открытых санях», за что, по его словам, «пришлось поплатиться кончиком носа»^[106]. Метель и вьюга не пугали путешественников, если уже был намечен маршрут поездки. В конце ноября 1822 г. по дороге из Вероны в Россию в десятиградусный мороз около Падуи «государя застигла страшная вьюга, и мороз усилился до 16 градусов». Некоторые спутники «поморозили пальцы на руках и ногах», но император проследовал дальше. «И только 20-го января 1823 г. прибыл на ночлег в Царское Село. Дорогой мороз доходил до 26 градусов, но, несмотря на стужу, государь все время ехал в открытых санях»^[107].

В весеннее время Александр, не задерживаясь в ожидании хорошей погоды, мог отправиться в путь при полном разливе рек, по снегу. По воспоминаниям участника поездки лейбхирурга Д. К. Тарасова, царь отправился в Варшаву 4 апреля 1825 г. на открытие польского сейма^[108]. Дорога через Витебск, Оршу и Брест-Литовский оказалась не из легких. Таяние снега и льда приводило к необходимости вырубать лед для переправы парома через реку Двину, а затем вытаскивать увязшие в грязи экипажи, при этом царь выходил из коляски и шел пешком. Двадцатидневное пребывание в Варшаве было заполнено парадами, осмотрами войск и изучением протоколов заседаний сейма, а также недолгой поездкой в западные воеводства Царства Польского. Возвратившись из Калиша в Варшаву, Александр I 1 июня выступил с торжественной речью на заключительном заседании сейма, а уже на следующий день, покинув польский край (как оказалось, навсегда), отправился в Царское Село.

Взяв курс на Ковно, император прибыл в город 4 июня. После ночлега он начал осмотр тех мест, «где в 1812 году Наполеон переправил свою огромную армию и того исторического холма», на котором была разбита палатка «грозного повелителя Европы», наблюдавшего за движением своей армии, вступающей в пределы России^[109]. Открывшаяся перед глазами императора панорама, вероятно, напомнила о прошедших ранее событиях. О том тяжелом времени, когда, казалось, с приходом в Москву врага так мало осталось шансов на благополучный исход военной кампании. Но проявленная им непреклонная воля продолжать борьбу,

опиравшаяся на неизменную поддержку супруги Елизаветы Алексеевны, привела к славе русского оружия.

Еще до отъезда Александра I в Варшаву врачи сообщили ему, что из-за ухудшения состояния здоровья императрица нуждается в немедленной смене сырого петербургского климата на более мягкий и благоприятный. Вскоре после возвращения императора в Царское Село возникла необходимость решить этот вопрос. «Но довольно долго не был разрешен вопрос: отправиться императрице за границу, в чужие края, или южную часть России, и в какое именно место?», – писал Д. К. Тарасов. Лечащие врачи предлагали Крым, природу и климат которого схожи со средней Италией. Однако царь медлил в нерешительности^[110]. В письме к матери, маркиграфине Амалии Баденской, императрица сообщала некоторые подробности. Созвали «секретный комитет» в составе царственных супругов и лечащих врачей, на котором рассматривались разные варианты: «юг Франции, Пиза и Рим», но не «юг Германии», о котором не упоминали. Остановились на юге России: «было предложено три места, и Император выбрал самое отдаленное, Таганрог, портовый городок на Азовском море». С выбором супруга она согласилась, царь при этом намерен был сопровождать её до Таганрога, после чего планировал посетить «Астрахань, а затем возвратиться в Петербург»^[111].

Слух о том, что «государь намеревается ехать внутрь России» дошел и до возвращавшегося из Франции князя П. М. Волконского, который, по его словам, надеялся на время отсутствия в столице монарха погостить в своем подмосковном имении Суханово. Однако Александр I поручил ему сопровождать императрицу на весь период ее пребывания в Таганроге, «куда Государь изволит ехать 1-го сентября наперед для обозрения сего места и устройства жилища для Императрицы, которая отправится туда 3-го сентября». Перспектива отправиться в Таганрог, покинув свое «семейство и расстроенные дела, жить в уединении, почти как в ссылке», не привлекала князя, но он счел «невозможным отказаться от сего предложения» из-за болезненного состояния императрицы^[112].

В день отъезда Александр I, покинув Каменноостровский дворец, заехал не как обычно в Казанский собор, а в Александро-Невскую лавру, чтобы помолиться перед «ракою святого Александра Невского». В общении с митрополитом Серафимом и схимником Алексеем император искал душевного утешения. Впервые за всю историю его долгих странствий цель поездки была вызвана столь печальными обстоятельствами. Он опасался за жизнь больной жены. Об этом свидетельствует тот факт, что царь взял с собой церемониал погребения Екатерины II. Покидая лавру, он просил монахов: «Помолитесь обо мне и о жене моей»^[113].

Выехав из Царского Села по Белорусскому тракту, Александр I на границе с Псковской губернией повернул через Торопец на Тульский тракт. Монарх и его свита, избегая встреч и проводов, передвигались довольно быстро, и на всем пути «нигде не было ни военных смотров, ни парадов, ни маневров». Вслед за царственным супругом 3 сентября 1825 г. с небольшой свитой отправилась в путь и Елизавета Алексеевна. Все внимание императора было обращено к больной супруге: «он писал ей письма и записочки, самые трогательные и задушевные, случайно дошедшие до нас после императрицы и уцелевшие от сожжения. Больная государыня, ехавшая с остановками и ночлегами, была особенно тронута таким отношением к ней мужа и уже на пути чувствовала нравственное облегчение, будучи в восторге, что, наконец, она могла выбраться из Петербурга»^[114].

Когда до Таганрога дошли слухи, что город «избран для восьмимесячного пребывания» царственных особ, и ожидается прибытие из Одессы генерал-губернатора М. С. Воронцова со своим придворным штатом, то его жители «совсем потеряли голову в ожидании столь неожиданного и необычайного события». Вскоре пришло известие от генерал-адъютанта И. И. Дибича, что «Государю угодно остановиться» в том же доме, «где он останавливался в первый раз» в мае 1818 г., и на «исправление» которого «было прислано 25 тысяч

рублей»^[115]. По распоряжению градоначальника тотчас приступили к проведению ремонтных работ всех казенных и городских строений.

После прибытия монарха со своей свитой в Таганрог 13 сентября в доме-дворце, ставшем царской резиденцией, к приезду императрицы помещения готовились под личным руководством царя. Комнаты были меблированы без всякой роскоши и богатства, но «прилично». Елизавета Алексеевна со свитой, добираясь «малыми перегонами, с частыми отдыхами», прибыла в город 23 сентября. Встретившиеся супруги посетили греческий Александровский монастырь, а затем, после благодарственного молебна, прибыли во дворец. «По приезде императрицы государь окружил её самой нежной заботливостью, предупреждал ее малейшие желания и старался доставлять ей всевозможные развлечения, чтобы пребывание в городе для нее сделать приятным». «Таганрогское уединение возобновило между ними прежние узы, ослабленные на первых порах рассеянной молодостью, а потом заботами государственными. Они вели здесь жизнь тихую, уединенную, свободную от всякого придворного этикета. Елизавета Алексеевна, под влиянием этой нежной любви, сталаживать, здоровье её видимо поправлялось; через несколько дней она окрепла физически и морально»^[116].

Царственные супруги часто гуляли пешком или добирались на коляске до крутого берега, с которого открывался прекрасный вид на Азовское море. Императрица ежедневно посещала сад, который прилегал к дому, и где она любовалась фазанами, привезенными из Кавказа. Под руководством петербургского почт-директора К. Я. Булгакова была учреждена экстра-почта между Таганрогом и Петербургом «через города: Москву, Тулу, Орел, Курск, Харьков и Бахмут»^[117], и Елизавета Алексеевна имела возможность вести переписку с матерью. Однако её огорчали мысли о предстоящей разлуке с супругом, о чем она писала матери 8 октября. «Попросила его недавно сказать мне, когда он рассчитывает вернуться в Петербург, потому что я хотела бы знать, чтобы приготовиться к мысли о его отъезде, как к операции. Он ответил мне: “Как можно позже, я еще посмотрю: но, во всяком случае, не раньше Нового года”. Это привело меня в прекрасное расположение духа на весь день»^[118].

Как видно из письма императрицы, царь не торопился возвратиться в северную столицу. «А между тем, возникли два обстоятельства, которые могли бы принудить государя вернуться в Петербург», – пишет великий князь Николай Михайлович. Речь идет о драме, случившейся «в Грузии, где умертвили любовницу Аракчеева, после чего граф, убитый горем и разъяренный против крестьян, не стал более заниматься государственными делами; а потом получились такие донесения, которые не оставляли больше сомнения в существовании заговора среди офицеров»^[119]. Император, часто гостивший у графа А. А. Аракчеева в Грузино, в письмах выражал ему сочувствие, звал в Таганрог и просил вернуться к исполнению своих обязанностей. Наличие заговора офицеров требовало принятия неотлагательных мер.

Вместе с тем 11 октября император совершил поездку в Землю войска Донского, посетив Новочеркасск, Нахичевань, Ростов. 15 октября он уже возвратился в Таганрог, отказавшись, видимо, совершить «более обширное путешествие в Уральск». Об этом в своих воспоминаниях упоминает сотрудник квартирмейстерской части Главного Штаба Н. И. Шениг, который писал о том, что 31 августа 1825 г. ему было поручено доставить предписание саратовскому генерал-губернатору А. Д. Панчулидзеву, чтобы узнать, что представляет собой дорога «от Саратова через Вольск, Овсяной Гай или Мосты до Уральска и есть ли способ выставить по сему тракту нужное число лошадей для проезда Государя Императора». Получив сведения, Шениг доставил их в Таганрог и лично вручил генералу Дибичу до 20 сентября 1825 г.^[120]

О намерении Александра I отправиться на юг России, упоминаемом ранее в письме императрицы, сообщал также и московский почт-директор А. Я. Булгаков. Он в письме к

брату Константину писал 6 октября 1825 г., что «здесь была эстафета из Астрахани в 5 суток. Государь будет там 10-го числа. Александр Петрович Ермолов ожидает уже там государя. Сказывают, что императрица оттуда изволит ехать в Саратов. Отсюда отправлено множество припасов и в Астрахань, и в Саратов»^[121]. В следующем послании от 21 октября речь уже шла о поездке царя в Крым: «это царское путешествие, будет, точно, очень полезно для тамошнего края, который авось-либо государю направится»^[122].

В это время гостивший в Таганроге новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов пригласил Александра I посетить Крым, «уверая, что можно еще вернуться обратно до наступления дождей и холода». Графу Воронцову хотелось показать императору край, в котором уже начали строить каменные дороги и «много было сделано в его генерал-губернаторство». Желание императора «отложить столь желанное прежде путешествие в Крым» по настойчивой просьбе Воронцова «переменило Его намерение», и он обещал графу объехать Крым и сдержал свое обещание^[123]. Поскольку здоровье Елизаветы Алексеевны шло на поправку, царь поручил генералу Дибичу составить маршрут путешествия, который после представления монарху был по его требованию сокращен. Окончательный вариант поездки был рассчитан на семнадцать дней.

20 октября 1825 г. Александр I в сопровождении небольшой свиты взял курс на Крым. Это путешествие оказалось последним в его жизни. Первые дни проходили благополучно, «государь был очень весел и разговорчив». Переночевав в Мариуполе, он вместе с графом Воронцовым проследовал до Симферополя, куда прибыл 24 октября. На следующий день царь продолжил путь к южному берегу полуострова «и проскакал 35 верст верхом», добравшись до Юрзуфа «по чрезвычайно трудным дорогам и усеянными камнями тропинкам». «Экипажам было велено ожидать Государя в Байдарах», отчего монарх принимал «несовершенно сходною с обыкновенно употребляемою» пищу. Это было, по мнению «доктора Виллие, главною причиною болезни Государя»^[124]. Продолжив путешествие, Александр I посетил Никитский сад, имение Ореанду, которое приобрел у графа Кушелева-Безбородко. Рядом с Ореандой в Алушке находилось поместье графа Воронцова, здесь «Государь обедал». Затем он отправился 27 октября в путь, «проехав оттуда более сорока верст по дурной горной дороге» и «прибыл в Байдары, где его ожидали царские экипажи»^[125].

Из Байдар в Балаклаву Александру I пришлось добираться «через горы, на вершине которых дул холодный ветер, а при подошве был сильный жар», что «заставляло Его Величество часто открывать и покрывать голову. Этот внезапный переход от холода к жару, – писал Н. И. Шениг, – предрасположил его к болезни. На пути к Севастополю он почувствовал изнеможение»^[126]. Несмотря на это монарх вместе с генералом Дибичем по прибытии в Балаклаву стал осматривать греческий батальон, а затем, отправив свиту в Севастополь, верхом на коне в одном мундире без шинели направился в Георгиевский мужской монастырь. «День был теплый и прекрасный, – пишет Н. К. Шильдер, – но к вечеру подул северо-восточный ветер и настал чувствительный холод. Не подлежит сомнению, что император Александр простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поездки в Георгиевский монастырь и, таким образом, утомительные переезды 27-го октября послужили исходной точкой поразившего его вскоре смертельного недуга»^[127].

Отчего здоровый организм Александра I, привыкший за долгие годы к трудным и долгим путешествиям, в поездке по южному берегу Крыма дал сбой и не справился со смертельным недугом? Отправляясь в путешествие, император был обеспокоен состоянием здоровья императрицы и нежеланием Аракчеева заниматься государственными делами при известии о существовании заговора. Осенняя поездка оказалась особенно трудной и опасной для здоровья царя из-за «дурных горных каменистых дорог», частой смены погоды и посещения тех мест, где «господствовала лихорадка». К тому же царь, не обращая внимание на нездоровье, тратил много времени и сил на смотры. Два дня пребывания в Севастополе 28 и 29

октября были в основном посвящены обозрению укреплений, кораблей, казарм, госпиталей, в которых воздух «был чувствительно сыр и холоден». В Бахчисарае, несмотря на нездоровье, он посетил расположенный на высокой скале Чуфут-Кале и на обратном пути – Успенский мужской монастырь.

Оказавшись в начале ноября в Евпатории (Козлове), а затем в Перекопе, монарх, болезненное состояние которого усиливалось, продолжал посещать церкви, мечети, синагоги, казармы и госпитали. И уже на обратном пути он «стал более задумчив и менее прежнего разговорчив». В Мариуполе, куда государь со свитой прибыл 4 ноября, лейб-медик Я. В. Виллие нашел, «что у Него сильная лихорадка; ногти Его были сини, а в теле озноб и дрожь». Врач предложил царственному пациенту остаться в городе, но он не согласился: «Его Величество спешил для свидания с императрицей, ожидавшей его прибытия в назначенное время, т. е. 5-го ноября»^[128]. Утомленный и ослабевший, царь в закрытой полости коляске отправился из Мариуполя в Таганрог, куда прибыл в шесть часов вечера.

Вид вернувшегося в Таганрог императора обеспокоил князя Волконского, который спросил монарха, как его здоровье. Царь ответил: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. Я более чем когда-либо уверен, что, избрав Таганрог местопребыванием для моей жены, мы поступили в высшей степени благоразумно»^[129]. В Таганроге болезнь монарха стала усиливаться, он слег в постель. За супругом заботливо ухаживала Елизавета Алексеевна, стараясь не оставлять его. Окружающие заметили, что Александра I что-то беспокоит. Князь Волконский полагал, что огорчение монарха было вызвано поведением графа Аракчеева, отказавшегося под благовидным предлогом приехать в Таганрог и вернуться к делам.

Болезнь императора стала принимать необратимый характер. Князь Волконский также не отходил от царя. Он писал своему другу А. А. Закревскому: «Во время болезни Государевой я не покидал его, ухаживал за ним, оказывая все пособия, какие только были нужны, и к несчастью моему все труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на нас гнев свой, лишивши нас столь драгоценного Монарха. Одним утешением остается мне то, что я еще при конце его мог оказать ему последний долг»^[130].

Наступил роковой день 19 ноября 1825 г. Было пасмурное, мрачное утро, «площадь перед дворцом вся была покрыта народом, который из церквей, после моления об исцелении государя, приходил толпами ко дворцу, чтобы получить весть о положении императора»^[131]. Вскоре стало известно, что в 10 часов 50 минут великий монарх отошел в вечность. До Петербурга весть о кончине императора Александра I дошла восемь дней спустя – 27 ноября. Извещал об этом князь Волконский, организовавший сразу же после смерти императора Чрезвычайную комиссию. По его распоряжению в столицу был отправлен медицинский акт о кончине монарха и письмо о состоянии дел. Сообщение о смерти Александра I повергло царственную семью – вдовствующую императрицу Марию Федоровну и великого князя Николая Павловича в крайне печальное и трудное положение.

28 ноября было проведено заседание Комитета министров, на котором было принято решение учредить Печальную комиссию в составе 30 человек, назначив ее верховным маршалом князя А. Б. Куракина. Впервые за всю историю русского императорского двора его глава умер вдали от места, где ему предстояло быть погребенным, поэтому перед Печальной комиссией стояла основная задача: «распорядить всю церемонию с подобающим Царской особе уважением и составлять обряды тому сообразные, представить оные на высочайшее усмотрение»^[132]. Сама же Печальная комиссия ничего не решала. Все дела ежедневно докладывали Николаю I, и он каждый день рассматривал их, накладывая свои резолюции.

6 декабря в Таганрог князю Волконскому были высланы церемониалы 1796 и 1801 гг. «для определения порядка шествия в Петербург». Церемониал императорских похорон, разработанный Петром I, стал традицией ритуальной культуры при русском дворе. Изменения

допускались лишь в особых случаях^[133]. Таганрогская комиссия, занимаясь устройством траурной церемонии, испытывала большие трудности в сложившемся междоусобице, получая распоряжения из Петербурга и Варшавы. В доме, где скончался Александр I, устроили траурный зал и катафалк. «11 декабря тело монарха было перевезено в Троицкий собор Александровского монастыря и установлено в порфире и золоченой короне на высоком о 12 ступенях катафалке под балдахином, поддерживаемом четырьмя колоннами, вокруг были расставлены канделябры с многочисленными свечами»^[134].

Несмотря на имевшиеся трудности в организации и проведении церемонии погребения Александра I, вызванные огромным расстоянием в две тысячи верст, Печальная комиссия и Таганрогская Чрезвычайная комиссия детально разработали сложный церемониал императорских похорон. На 40-й день кончины императора, 29 декабря, было назначено начало траурного шествия из Таганрога в Петербург. В строгом соответствии с разработанным церемониалом торжественная процессия переноса тела «странствующего монарха» в северную столицу медленно направилась через Харьков, Белгород, Курск, Орел, Тулу в Москву, привлекая внимание окрестных жителей. Это был последний путь просвещенного монарха по огромным просторам России.

По словам Н. И. Греча, «Александр был враг всякой пышности, всяких торжественных слов», но шествие «Государя от Таганрога до Санкт-Петербурга было величественнейшим торжеством для усопшего»^[135]. «На всем пути, даже в степных местах, стекались жители большими массами, чтобы оплакать своего незабвенного монарха. Но в городах, особенно губернских, это стечение народа простиралось до невероятно обширных размеров и представляло самые умильные и трогательные сцены уважения и благоговения к покойному императору»^[136], – писал Тарасов. «Все ночлеги были в селах или городах, так что гроб всегда ночевал в церквях. Усердием жителей сооружались великолепные катафалки. В каждой епархии на границе встречал архиерей с духовенством всего уезда и сменяли духовенство предшествующей губернии [...] У колесницы народ нередко отпрягал лошадей и вез ее на себе. Переезды были обыкновенно не более пятидесяти верст. На границе каждой губернии останавливались в поле, и губернатор одной губернии передавал церемониал губернатору другой, которые и провожал процессию через свою»^[137].

Последняя остановка на ночлег перед Москвой была в Коломне. А на следующее утро, 3 февраля 1826 г., состоялось торжественное вступление в Москву «при повсеместной тишине и спокойствии». В это время в Петербурге шли усиленные приготовления к встрече печального шествия и устройству государственного ритуала похорон Александра I. Церемониал состоял из трех этапов: въезда в Царское Село, затем перенесения тела в Чесменский дворец, от которого должно было начаться торжественное вступление в столицу. Затем в Казанском соборе 7 дней народ мог проститься с усопшим, и, наконец, должны были состояться проводы к месту погребения в соборе Петропавловской крепости.

28 февраля дорожный траурный кортеж подошел к Царскому Селу. Последняя остановка перед этим была в Новгороде в Софийском соборе, который был убран в траур на средства А. А. Аракчеева. 6 марта 1825 г. процессия двинулась в Петербург. «С 8 часов утра в районе Чесменского дворца участники стали выстраиваться в церемониальную процессию. Путь предстоял долгий: до Московской заставы, по Обуховскому проспекту, через Сенную площадь и Садовую улицу, мимо Гостиного двора на Невский проспект и Казанскому собору. Здесь состоялись две службы – одна общая, другая для членов императорской семьи. Затем целую неделю вход в собор был открыт с 8 до 19 часов для всех желающих попрощаться с усопшим государем. Каждый день город объезжали герольды и извещали о последнем акте Печальной процессии, который должен был состояться 13 марта и начаться в 10 часов утра от Казанского собора»^[138].

Наконец, наступил день 13 марта, с утра «до начала шествия, все отделения Печального кортежа расставлялись в нужном порядке и в определенном для каждого месте. В кортеже участвовал весь гвардейский корпус, все военные и гражданские власти, все сословия жителей столицы. В его строгом построении четко обозначился государственный и общественный статус участников, иерархия чинов, социальное построение общества. Город погрузился в глубокий траур и словно вымер»^[139]. Наконец траурная процессия направилась к Петропавловскому собору. Каждую минуту раздавался выстрел из пушки, в церквах звонили колокола. Как только кортеж подошел к усыпальнице, гроб внесли и поставили в Петропавловском соборе на катафалк, после чего была отслужена Божественная литургия и совершено отпевание, а затем гроб был опущен в могилу, расположенную по правую сторону от алтаря, рядом с могилой Павла I. «В три часа дня тремя пушечными выстрелами» Петербург и вся Российская империя извещались о свершении «последних мгновений блеска и славы Александра Благословенного»^[140].

Елизавета Алексеевна стойко перенесла жестокий удар судьбы, выпавший на её долю. Но здоровье императрицы стало ухудшаться, поэтому она не могла проводить в последний путь царственного супруга. Таганрог она покинула вместе со свитой во главе с князем П. М. Волконским 21 апреля 1826 г., а уже 4 мая 1826 г. недалеко от Калуги в городе Белёв императрицы не стало. И вновь печальная процессия спустя некоторое время потянулась в Петербург, где 14 июня жители города стали свидетелями торжественного шествия Печального кортежа Елизаветы Алексеевны. В соответствии с церемониалом Елизавета Алексеевна была погребена 22 июня рядом с супругом. По словам великого князя Николая Михайловича, ей суждено было стать не только «скромной тенью августейшего супруга, но и повторить его последний путь»^[141].

Н. М. Филатова. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды

Приступая к освещению данной темы, нельзя не прояснить два важных момента, относящихся к царствованию императоров Александра I и Николая I. Во-первых, в рассматриваемую эпоху «путешествием называли любую поездку императора, будь то военные действия, дипломатические переговоры или смотр войск»^[142]. Это не в последнюю очередь было связано с длительностью поездок, с единственно возможным тогда – конным – средством передвижения, доставлявшим немало бытовых трудностей и сулившим множество опасностей даже окруженным многочисленной свитой царственным особам.

К примеру, Александр I, о котором недаром сложили поговорку «провел всю жизнь в дороге», не раз становился жертвой непогоды, в том числе на пути в польские земли. Так, в 1813 г. он, преодолев расстояние от Петербурга до Вильно за три дня в открытых санях, отморозил себе кончик носа^[143]. В другой раз, при возвращении из Варшавы в начале зимы 1815 г. ему также пришлось претерпеть неудобства из-за недоразумения: на одном из участков пути, не зная, что император поедет в санях, с дороги смели снег и заполнили канавы щебнем и соломой^[144]. А в 1823 г. на объединенных учениях польских и русских войск под Брест-Литовском Александра I лягнула в бедро лошадь польского генерала В. Красиньского, в результате чего император надолго заболел рожистым воспалением.

Николай I, осуществлявший в течение года множество поездок по России, в основном с целью смотра войск, также любил стремительно передвигаться. Современники писали, что в дороге он по несколько дней питался одними лишь чаем и сыром. Знаменательным стал случай, произошедший с Николаем I в 1836 г. по дороге из Пензы в Тамбов под уездным городом Чембаром, где коляска императора опрокинулась, а сам он получил перелом ключицы^[145]. Таким образом, любое путешествие, особенно далекое, в том числе в Царство Польское или Западные губернии России, требовало от монарха определенных личных усилий, что было одной из причин, по которой оно воспринималось как особенно значимое событие.

Во-вторых, прежде чем остановиться на одном из наиболее важных визитов Николая I в Царство Польское (в польской традиции именуемое Королевством), следует вспомнить о находящихся в том же историко-семантическом поле визитах туда императора Александра I. Ведь недаром они были достаточно многочисленны. Одну только Варшаву Александр I в качестве конституционного короля Царства Польского посетил 9 раз (по подсчетам И. Г. Попруженко, в общей сложности ни в одном из русских столичных городов он не жил так подолгу^[146]). Свою польскую столицу император посещал почти каждый год: 31 октября (12 ноября) – 21 ноября (3 декабря) 1815 г., когда им была подписана конституция королевства, а затем в 1816, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1825 гг. Подобная частота визитов российского самодержца и польского короля в одном лице в Варшаву даже вызывала недовольство у его российских подданных. В разговорах с Александром I не раз звучали ревнивые замечания по поводу его польской политики. «Государь! Зачем Вы ездите к полякам? Зачем пишете такие благодарственные манифесты?» – спрашивал его А. Ф. Орлов, добавляя: «Кто может любить Вас так, как русские?»^[147]

Путешествия Александра I в Королевство Польское являли собой особый тип саморепрезентации императорской власти, которая должна была, ориентируясь на польское и западноевропейское общественное мнение, демонстрировать иное лицо, отличное от традиционного образа самодержавных императоров, предназначенного для российских подданных. Продолжателем этого типа саморепрезентации власти (хотя и без особого рвения, и,

как показала история, на короткое время – до польского восстания 1830 г.) должен был стать Николай I, получивший в наследство от брата титул польского короля.

Однако, став императором, Николай Павлович, еще в бытность великим князем навещавший в Варшаве старшего брата цесаревича Константина – главнокомандующего польской армией, не спешил посетить свои польские владения. Его первый визит в столицу Царства Польского имел место лишь в 1829 г. и был приурочен к коронации (второй раз Николай I в качестве конституционного монарха побывал в Варшаве в мае – июне 1830 г., чтобы открыть и закрыть последний сейм Королевства Польского).

* * *

При создании в 1815 г. конституционного Царства Польского под скипетром Александра I в польской конституции было записано: «Все наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет нами установлен, и приносить следующую клятву: “Обещаюсь и клянусь перед Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью”»^[148].

Александр I, придававший большое значение своему статусу польского конституционного короля, отличного от статуса самодержавного российского императора, и – как показывают польские тексты различных жанров – воспринимавшийся польскими современниками в отрыве от России, как наследник Пястов и Ягеллонов (польских королевских династий)^[149], тем не менее уклонился от обряда коронации. Однако архивные материалы показывают, что в начале 1820-х годов рассматривалась возможность коронации Александра I в соответствии с польским церемониалом (последний раз так в 1764 г. короновался Станислав Август Понятовский)^[150]. Правительственная Комиссия внутренних дел Королевства Польского интересовалась описанием церемониала коронации польских королей. Тогда же правительство пыталось выяснить и судьбы польских корон, хранившихся ранее в сокровищнице Вавеля. Однако эти короны не сохранились, якобы вывезенные во время разделов пруссаками^[151].

Счел необходимым выполнить означенный параграф польской конституции и Николай I, который, однако, в частной переписке с братом Константином Павловичем не скрывал своего скептического отношения к этой процедуре. Ведь, как и другие российские императоры, Николай был уже коронован в Успенском соборе Московского Кремля по православному чину венчания на царство (соединенному с миропомазанием) 22 августа 1826 г. Переписка свидетельствует о разногласиях братьев по поводу места польской коронации и самого обряда. Дело осложнялось тем, что православный монарх должен был короноваться как король католической страны – поэтому вариант коронации в католическом кафедральном соборе был сразу же отвергнут как неприемлемый. Местом проведения церемониала Николай I определил Королевский замок в Варшаве. Он решительно отказался также от произнесения присяги конституции, ссылаясь на то, что формула присяги уже была включена один раз в манифест о восшествии на престол и повторять присягу царю не подобает. Вместо этого, он, преклонив колено, по-французски произнесет молитву, в которой однако будут слова: «Да сподоблюсь царствовать для блага моих народов, [...] по учредительной грамоте, дарованной Моим Августейшим Предшественником, и уже утвержденной мною присяге» [Здесь и далее курсив мой. – Н. Ф.]^[152]. Так перевели текст молитвы русские издания. В польском же варианте – в брошюре «Обряд коронации Его Величества Николая I, императора Всероссийского, Короля Польского в столице королевства Варшаве»^[153] – акценты были расставлены несколько иначе: император обращался к Богу с мольбой дать ему силы «править для счастья моих народов [...] в соответствии с Конституционной Хартией, дарованной Моим Августейшим предшественником, которой я уже принес присягу»^[154].

Это малозаметное, на первый взгляд, расхождение в формулировках говорило о стремлении в тексте, адресованном полякам, подчеркнуть факт присяги нового короля конституции и, напротив, завуалировать в глазах россиян все, связанное с конституционными обязательствами монарха. О том, что поляки ждали именно во всеуслышание произнесенной клятвы соблюдать конституцию 1815 г., говорят хотя бы воспоминания В. Шокальского. Он довольно точно описав церемонию коронации, отметил, что император в молитве «вспомнил об уже принесенной *присяге конституции*»^[155].

Под давлением Константина Павловича государь согласился на проведение в рамках коронации торжественного богослужения в католическом кафедральном соборе Варшавы. Продуманный братьями церемониал должен был, таким образом, обозначив непоколебимую приверженность самого царя к православию, «подчеркнуть уважение Николая I к традициям Королевства и вере большинства его тамошних подданных»^[156].

При этом император проявил настойчивость: корона в империи и Царстве Польском должна быть одна и та же – в знак вечного соединения царства с империей. Он ссылаясь при этом на то, что «Королевство Польское навсегда присоединено к Российской империи: в этом основа существующего ныне положения вещей. Монарх один, а потому символ его власти должен быть един для обеих стран. Монарх, пересекая границу, считается королем: корона с прибытием в эту страну, является короной короля; принадлежа империи, она тем самым принадлежит и Королевству, поскольку тот, кто говорит об одном из этих объектов, автоматически подразумевает и другой. [...] Если бы корона существовала, без сомнения ей должно было бы воспользоваться, но ее не существует»^[157].

Это непопулярное в глазах поляков решение было принято тем не менее в контексте официального позиционирования Николаем I себя накануне коронации как польского короля. Подчеркивая свою преемственность с польскими королями, царь в феврале 1828 г. распорядился на свои деньги отстроить в Варшаве часовню для упокоения сердца Яна III Собеского, заявляя, что «таким образом может дать зримое доказательство почитания им добродетелей и замечательных достоинств одного из самых достойных своих предшественников»^[158], а после взятия русскими войсками Варны в ходе русско-турецкой войны прислал в дар Варшаве 12 пушек. «Я жалую Варшаве 12 орудий, как замечательное историческое воспоминание, ибо достойно внимания, что здесь явилась именно русская армия с польским королем, чтобы отомстить смерть другого польского короля, – писал он Константину в октябре 1828 г., в день своего въезда в Варну, имея в виду себя как преемника польского короля Владислава III, погибшего под Варной в 1444 г.»^[159]. В проповеди по случаю визита Николая I в Варшаву в 1830 г. архиепископ Адам Пражмовский превозносил императора как продолжателя политики Александра I по отношению к Польше, как того, кто после 65-летнего перерыва короновался польским королем, заключая: «А когда в своих воззваниях он наших древних королей называет своими предшественниками, соединяя древность с современной эпохой, он, кажется, напоминает нам о святой обязанности следовать добродетелям наших предков в выражении чувств своему королю»^[160].

Въехав в Варшаву для коронации 5 (17) мая 1829 г., император, как и сопровождавший его великий князь Михаил, был в мундире польской армии, а наследник Александр Николаевич – в польском мундире Первого полка конных егерей, шефом которого он был. Цесаревич изъяснялся по-польски; представляя его польским офицерам, Николай I сказал: «Ручаюсь, что он хороший поляк, поскольку так воспитан, и, надеюсь, что придет время, когда вы его таким признаете»^[161]. Наследника сопровождал воспитатель В. А. Жуковский, который оставил скупые дневниковые записи о своем визите в Варшаву. Интересно, что во время этого визита шли переговоры с воспитателем внебрачного сына великого князя Константина И. М. Фовицким о возможном поступлении его на службу к наследнику, чтобы учить его – как будущего польского короля – польской истории и языку^[162]. Цесаревич с вос-

питателем осматривал достопримечательности Варшавы и ездил в Вилянов, где публично восхищался посаженными Яном III деревьями.

12 (24) мая в Королевском замке Варшавы состоялась коронация. Опубликованный в варшавской прессе и отдельным изданием «Обряд коронации...» предусматривал все детали церемонии: «Короны, скипетр, держава и другие коронационные регалии будут привезены из Петербурга обер-церемониемейстером под охраной четырех кавалергардов вплоть до границы Королевства Польского, куда прибудет церемониемейстер польского двора вместе с четырьмя конными егерями, и разместившись напротив регалий, привезет их в Варшаву, где они будут сложены в Королевском замке в Тронном зале. [...] В день коронации инсигнии будут процессией перенесены в костел св. Яна специально назначенными лицами в следующем порядке:

Гвардейское подразделение кавалеристов в пешем строю под командованием офицера,
Два глашатая,
Два церемониемейстера,
Орден Белого Орла,
Печать Королевства,
Знамя,
Меч,
Королевская мантия,
Держава,
Скипетр,
Корона,
Обер-церемониемейстер,

Гвардейское подразделение кавалеристов в пешем строю под командованием офицера,
Все представители власти, долженствующие присутствовать при коронации.

Подразделения гвардии остановятся перед костелом св. Яна. Регалии будут приняты у дверей костела примасом во главе высшего духовенства. Эти регалии будут возложены на специально приготовленный стол, покрытый ярко-красным бархатом с золотыми позументами. Примас отслужит мессу Святого Духа, после чего регалии будут освящены и в том же самом порядке отнесены обратно в Замок, где будут положены в Тронном Зале». В установленный час Его Величество Император и Король, украшенный Орденом Белого Орла, отправится вместе с императрицей, уже надевшей корону и королевскую мантию, в Тронный зал. Далее процессия двинется в коронационный зал, высшие сановники понесут регалии, а саму корону – председатель Сената Королевства Польского с двумя ассистентами. В инструкции прямо говорилось, что во время коронации, после того как примас подаст королю мантию (порфиру), «Его Величество Император и Король повелит подать ему корону. Сановник, который ее нес, возьмет ее со стола и передаст примасу, который ее подаст Его Величеству на подушке, говоря: “Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!”». Император и король наденет корону на голову»^[163].

Во время церемониала была использована корона царицы Анны Иоанновны, выполненная мастером Дункелем (в России императоры, начиная с Екатерины II, короновались Большой короной Российской империи). Корону Анны Иоанновны в Варшаву привез церемониемейстер польского королевского двора Я. Жабоклицкий. Он пользовался в Варшаве репутацией чудака, поэтому в некоторых польских воспоминаниях торжественное путешествие российской короны описывалось иронически, что свидетельствует одновременно и об отсутствии должного почтения к ней в польском обществе. В подобном ключе, например, вспоминал обо всей процедуре Леон Сапега: «По окончании турецкой войны был назначен срок коронации императора Николая польским королем. Для этой церемонии хотели найти корону, которой короновались польские короли. Но все поиски были напрасными. Ни в Вар-

шаве, ни в Кракове от нее не осталось и следа. И вот было принято решение привести из Москвы царскую корону. Это стало поводом для ропота многих, которые увидели в этом желание показать, что Польша является лишь придатком России. За этой короной послали в Москву церемонимейстера Жабоклицкого [...] Он был невероятно горд этой столь важной в его глазах миссией, тем, что ехал придворной каретой, и что на каждой почтовой станции ему, а вернее короне, отдавали воинские почести»^[164].

Согласно предписанному порядку сначала все королевские регалии, включая и корону, были перенесены польскими сановниками из Королевского замка в католический кафедральный собор, где они были освящены. Затем регалии были возвращены обратно в Королевский замок – в зал Сената, где специально для них воздвигли алтарь с распятием – и расположены на специальном столе. Императрица Александра Федоровна к началу церемонии уже имела на голове корону, выполненную одним из варшавских ювелиров.

Церемонию освящал примас (глава католического духовенства Королевства Польского) Ян Павел Воронич. Он, прочитав молитву, подал царю порфиру, которую Николай I сам надел на себя, затем, благословив корону, подал ее императору, который и ее надел на себя сам соответственно русскому православному обряду венчания на царство. (Этот жест стал потом предметом польских комментариев). Император принял из рук примаса цепь Белого Орла и возложил ее на грудь императрицы, а потом получил от священника скипетр и державу. Затем примас трижды провозгласил «*Vivat Rex in aeternum!*»², что сопровождалось 101 пушечным выстрелом и колокольным звоном по всей Варшаве. После этого были прочитаны молитвы – сначала новым польским королем, затем Вороничем.

Таким образом, обряд сочетал в себе российскую традицию коронации со специально изобретенными ради этого случая и ранее не практиковавшимися элементами церемониала. Рассмотрим, каковы были последующие комментарии к этой церемонии – как русские, так и польские.

На страницах русской прессы специально подчеркивалось фигурирование в церемониале российской короны. Так, официальный российский взгляд на происшедшее выражали «Отечественные записки». «Спешу сообщить вам описание события важного, коего я был свидетелем, – говорилось в статье «О коронации его императорского величества», подписанной инициалами Н. Б., – события, достойного Истории не только отечественной, но и всемирной; [...] *Коронования Царя Польского в стенах Варшавских Короною Российской, – сим священным символом соединения навеки неразрывным узлом дружбы и согласия двух соплеменных, славных народов*»^[165]. Это соответствовало рескрипту, присланному Николаем I военному генерал-губернатору Петербурга 13 мая 1829 г. и опубликованному в российских газетах. В нем говорилось о том, что он, Николай I, согласно воле покойного брата, короновался 12 мая в своем столичном городе Варшаве, возложив на голову свою, семейную, собственную императорскую корону всея России. В документе подчеркивалось, что этим торжественным актом на все времена было подтверждено и определено положение Царства Польского, навсегда нераздельного с Российской империей^[166]. «Северная пчела» Ф. В. Булгарина также выражала ликование по поводу «торжественного коронования», которым «запечатлен неразрывный союз двух соплеменных народов: корона России на голове польского царя есть символ благотворного соединения! Она знаменует, что два народа, разные именем, составляют отныне одно семейство под сенью одной отеческой власти»^[167].

Присутствовавший при церемониале А. Х. Бенкендорф выражал типичную российскую точку зрения, когда так комментировал происходящее: «В доказательство того, что обе страны находятся под одним и тем же правительством, государь велел привезти из Петербурга императорскую корону»^[168]. Интересно в связи с этим замечание также бывшего сви-

² «Да здравствует король вечно!» – лат.

детелем коронации поэта В. А. Жуковского, записавшего в дневнике телеграфным стилем: «День коронации, место между нунциями [...] Чтение молитвы. *Неприличие благословения короны*»^[169]. Очевидно, у апологета российского самодержавия и воспитателя наследника престола вызвало неприятие благословения короны православных императоров – по сути православной святыни – католическим священнослужителем.

Взгляд русских, вспоминаявших позднее о польской коронации Николая I, кажется сосредоточенным на настроениях поляков и рассуждениях о том, искренними ли являлись их верноподданнические чувства. Одновременно, рассматривая это событие сквозь призму произошедшего вскоре восстания 1830 г., мемуаристы порой проявляют избыточную критичность в оценке русско-польских отношений в 1829 г.

Так, Бенкендорф отмечает внешние проявления радости поляков: «Войско и народ продолжали встречать государя радостными кликами; дамы у окон и на балконах махали платками и казались в восторге от красоты императора, от бесподобного личика его сына, от приветливых поклонов и всей очаровательной осанки императрицы; словом, глаз самый наблюдательный не открыл бы в варшавской встрече ничего, кроме радости и привязанности верного своему монарху народа. Таким сей последний нам представился; таков он был и в сущности, по крайней мере относительно массы». Но в то же время видимая радость поляков омрачается в его глазах неудовлетворенностью русских. Бенкендорф пишет, что слух о предстоящей коронации «оживил новыми надеждами жителей возвращенных от Польши губерний и не порадовал русских». «В соборе, – продолжает он, – под древними сводами которого столько королей воспринимали корону и столько поколений поклонялись своим владыкам, поляками не могло не овладеть некоторое самодовольство при виде потомка Петра Великого, отдающего почесть вероисповеданию их края, и католическое духовенство не могло не ощущать странного чувства, вознося молитвы о возведенном на престол православном царе. На нас, напротив, все это произвело какое-то тягостное впечатление, как бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которую этот легкомысленный и тщеславный народ оплатит со временем за доверие и честь, оказанные ему русским императором»^[170].

Стремление подчеркнуть всеобщее ликование поляков, диссонирующее с их последующей «черной неблагодарностью», налицо у других очевидцев коронации – П. А. Колзакова и А. Ф. Львова. «Народ везде изъявлял особенную радость, и каждый хотел иметь кусок сукна, которым был покрыт помост, устроенный для шествия Их Величеств. В этот торжественный день был при дворе обед, за которым пили за здоровье всего царского дома, верноподданных и за благоденствие царства при пушечных выстрелах и звуке труб. Вечером город был иллюминирован, и Их Величества ездили в открытой карете по главнейшим улицам и всюду были сопровождаемы радостными восклицаниями народа. 14 числа было общее поздравление, а 16 народный праздник, на который собралось до 80 тысяч человек; после общего угощения начались увеселения, карусели и гимнастические игры, везде расставлены были кушанья и напитки», – пишет композитор А. Ф. Львов. И заключает: «После всего этого кто бы мог вообразить, что те же знатные поляки, которые под личиною преданности с таким усердием участвовали в этих пышных церемониях, они же возбуждают народ к бунту и сами примут управление царством и командование войсками?»^[171]

Колзакову важно, что Николай I подтвердил свое расположение к полякам, демонстративно закрепив статус польского короля. В частности, он пишет: «Когда государь стал на свое место, то примас прочел молитву и провозгласил его *королем польским*. При сем последнем слове началась пальба из пушек, после чего примас поднес государю порфиру, которую начали надевать на государя придворные, первые сановники, затем корону, скипетр и державу, – все это с молитвою подносило примасом. Государь поднесенную ему корону надел сам себе на голову; потом двое великих князей подвели к нему императрицу, которая

стала на колена и Он надел на нее цепь Белого Орла и корону, и она стала с ним рядом у трона»^[172].

Реакция поляков на происшедшее была разнородна. С одной стороны, на приезд нового короля надеялись, ожидая от него как закрепления конституционных гарантий по отношению к Королевству Польскому, так и благотворного влияния на напряженную политическую обстановку, вызванную процессом по делу Патриотического общества и раздражением поляков против великого князя Константина и Н. Н. Новосильцева. В. Шокальский, например, полагает, что «разыграв эту горькую драму с Сеймовым Судом, Николай I явно одумался, желая постепенно изгладить из памяти ужасное впечатление, которое само по себе с течением времени отнюдь не сглаживалось»^[173]. Когда весной как гром среди ясного неба разнеслось «наименее всего ожидаемое известие» о будущей коронации, «изумление и радость были повсеместны, и о всем, что тому предшествовало на какой-то момент забыли». Мемуарист с удовлетворением отмечает: «Все время пребывания императорского двора в Варшаве Николай I был весел, вел себя непринужденно, и, казалось, что ему хорошо среди нас. Раз два я встретил его идущим с одним лишь адъютантом. От Лазенок до Королевского замка он сам ездил верхом. Император отдалил от себя полицию, говорил по-польски и недвусмысленно выказывал нам свою симпатию»^[174].

Другой очевидец событий, принимавший в них непосредственное участие, – старший сержант роты Его Императорского и Королевского Величества Первого полка конных егерей Ю. Пательский также вспоминает о торжествах как о «радующих глаз и трогающих сердце». Явно радостные чувства у него вызвал вид императорской семьи – как при въезде в Варшаву («Никогда не забуду вида красивой, импозантной фигуры императора Николая I на чудесном коне вместе с одиннадцатилетним наследником престола великим князем Александром [...], на маленькой лошадке следующим за отцом, и великолепной, запряженной восьмеркой лошадей кареты, везущей симпатичную польскую королеву Александру»), так и во время коронации («Только фигуры императора в мундире польского генерала и императрицы в королевской мантии со шлейфом [...] сохранились у меня в памяти [...] Впрочем, все прошло строго согласно объявленной ранее программе, в серьезной атмосфере и при полном спокойствии»)^[175].

Весьма характерны расхождения в якобы виденном и слышанном в те дни представителей разной политической ориентации. Вот один из примеров: Пательский пишет, что «в казармах группа недовольных и революционные агитаторы, которых тогда было предостаточно в рядах армии и в Школе подхорунжих, с негодованием нашептывали нам, что император Николай перед костелом францисканцев не спешил и тем самым не отдал дань уважения ксендзу-примасу, представителю польского межкоролевья, несшему ему вместе с кропилом Божие благословение, и тем самым оскорбил весь польский римско-католический народ»^[176]. В то же время Шокальский, утверждавший, что лично видел все происходившее в окно, свидетельствует: «Император слез с коня, поцеловал распятие, поднесенное затем Ее Величеству, и процессия двинулась дальше»^[177].

Как верно пишет польский историк М. Гетка-Кениг, коронация, как и сейм 1830 г., была последним свидетельством «независимости единственного островка польской государственности после трагедии разделов» и, добавим, явно говорила о намерениях нового польского короля открыто позиционировать себя как такового и соблюдать конституцию. «Нигде более в XIX в., даже в автономной Галиции, у поляков не было шансов ощутить в полной мере королевскую славу»^[178]. «С провозглашением коронации с Варшавы спала хмурая пелена, которая накрывала ее, начиная с Сеймового Суда. Каждый надеялся вздохнуть вольным воздухом, все мы приветствовали зарю лучшей доли»^[179], – вспоминала Наталия Кицкая. Подобное восприятие коронации как свидетельства сохранения польской государственности и даже открытия ее новой страницы порой позволяло не заметить и одной из

главных деталей церемонии – использования российской короны. Впрочем, официальная Варшава ее особо и не подчеркивала. В сочиненных по случаю торжественного события стихах символически фигурировала корона польских королей. Например, официозный автор Л. Дмушевский украсил свой балкон стихами, в которых говорилось, что Николай I:

Zasiadł na Piastów i Jagiełłów tronie

W polskiej koronie.

(Воссел на Пястов и Ягеллонов троне *В польской короне*)^[180].

Богуслава Маньковская (дочь создателя польских легионов наполеоновского генерала Я. Х. Домбровского) всерьез писала о том, что у тех, «которые это видели, без сомнения в сердце зародилась национальная гордость, которая всю жизнь будет звучать, словно повторяющееся эхо, которое напоминает о том, что гордый, могущественный царь, властелин половины Европы, представитель гордых Романовых, *склонил голову, дабы на нее в Варшаве возложили корону польских королей*»^[181].

С другой стороны, беспокойная политическая атмосфера в Королевстве Польском, слухи о нелюбви к полякам Николая I, чье вступление на престол ознаменовалось расправой над декабристами, давали о себе знать. В. Шокальский, например, рассматривая праздничное убранство Варшавы в день въезда туда императора, отмечает некий неуловимый «понуры оттенок», присутствовавший и в облике города, и даже в, на первый взгляд радостных приветствиях горожан^[182]. «Когда монарх, возложив на голову императорскую корону, провозгласил себя коронованным польским королем, ни одно сердце не забилося сильнее, ни одна слеза не пролилась; весь этот обряд казался холодным театральным зрелищем, спектаклем, но не реальностью»^[183], – вспоминал впоследствии А. Козьмян.

В том, что новый король сам надел корону себе на голову, а не предоставил это сделать польскому священнослужителю, многие увидели символ узурпации власти. Характерно и различие в интерпретации тишины, которой был встречен возглас примаса, прославляющий нового польского короля. Известно, что отсутствие бурных выражений народного ликования было запланировано устроителями церемонии. Вот что пишет по этому поводу Ю. У. Немцевич: «После коронации, когда примас Воронич провозгласил *vivat rex in aeternum*, всеобщее молчание. Никто не повторил этого возгласа, таков был приказ. Любой голос народа, пусть даже радостный, неприятен деспотам»^[184]. А вот как комментирует это Л. Сапега: «Тогда примас короновал императора, последний же надел корону на голову императрицы. После этого примас произнес речь, которую закончил словами: “Теперь воскликнем единогласно: “Да здравствует король!” и три раза провозгласил “*Vivat!*” Но ни один голос не отозвался. Императорская чета переглянулась, на их лицах видна была растерянность»^[185].

Однако в основном в явно негативном ключе высказывались те мемуаристы, чье видение предшествующих польскому национально-освободительному восстанию 1830 г. событий определялось тем переворотом, который оно произвело в умах. Это негативное видение «последней польской коронации» (выражение М. Гетки-Кенига) было связано не только с тем, что после детронизации Николая I, когда он перестал быть польским королем, поляки были избавлены от необходимости высказывать свою лояльность. Оно сформировалось в повстанческой и эмигрантской публицистике, когда гласности были преданы свидетельства не только непосредственных участников революционного выступления 29 ноября 1830 г., но и лиц, близких к так называемому «коронационному заговору», составленному в 1829 г. с целью покушения на царя.

О масштабе заговора и составе его участников историки спорят до сих пор^[186]. Но характерно, что один из его инициаторов Винцентий Смагловский в признаниях Следственной комиссии указал, что целью заговора было воспрепятствовать этому акту, ибо коронация «противоречила священным польским обычаям». Она нарушала исторически сложившийся церемониал, согласно которому помазание и возложение короны на польских королей

осуществляли польские архиепископы. «Во времена короля Сигизмунда Россия была покорена гетманом Ходкевичем. Польша не была завоевана царем Николаем, который должен был короноваться. Славной памяти император Александр не короновался, но, думаю, покорил нас ничем иным как своими благодеяниями. Как же коронация, столь противоречившая священным обычаям и церемониям, могла состояться, если во времена, когда Россия была завоевана, Владиславу навязали необходимость короноваться по образцу, практикуемому в России?»^[187]

В сознании непосредственных очевидцев, воспроизводивших пережитое без последующих тенденциозных наслоений, истинное происхождение короны и ее «польскость» довольно мирно уживались. Пательский, например, пишет о том, как военные салютовали короне, «*vulgo³ называемую польской*»^[188].

«Чужое» происхождение короны выступило на первый план в повстанческих и эмиграционных публикациях. Об этом свидетельствует, например, следующая цитата из анонимной брошюры, изданной во время восстания 1830 г.: «какой бы энтузиазм возбудил бы он [Николай I], если бы надел не императорскую, а настоящую польскую корону, этот памятник Болеслава Храброго, Батория и Августов»^[189]. В глазах патриотов, вспоминавших о коронации, решение Николая I короноваться русской короной дискредитировало акт коронации, который означал уже не обретение Польшей «своего», принимающего польские «правила игры» правителя, а подчинение ее враждебной самодержавной династии. О том, что Николай I «возложил на свою голову непольскую корону и посмел уравнивать скипетр прекраснейшего славянского племени с астраханским и сибирским», писал участник заговора подхорунжих А. Лаский^[190].

Окончательно закрепила образ русской короны как символа чужой власти польская художественная литература. Коронация Николая I как польского короля в Варшаве в 1829 г. удостоилась в драме Ю. Словацкого «Кордиан» (написана в 1833 г., годом позже вышла из печати) отдельной художественной интерпретации. Этот сакральный акт в драме десакрализован. Об этом свидетельствует избранная точка зрения на эту церемонию: зритель видит ее глазами толпы, отпускающей по адресу царя колкие шутки. В драме коронация ознаменована несчастьем – гибелью ребенка, и бесчинствами толпы, рвущей на части сукно, покрывающее торжественный помост для зрителей (последнее, кстати, было исторически достоверно). В драме Словацкого все это, с одной стороны, лишает событие торжественности, с другой – являет недобрые предзнаменования, сопутствующие вступлению российского императора на польский престол. Мотив фальшивой, неосвященной национальной традицией «чужой» короны, символизировавшей правление императора Николая I в Польше, прослеживается и в другом произведении Ю. Словацкого – драме «Балладина» (написана в 1834, опубликована в 1839 г.)^[191].

Безусловно, права Е. М. Болтунова, утверждающая, что «коронация, проведенная в светском пространстве, была лишена в глазах как русских, так и польских участников самой основы, которой являлось постулирование сакральности монаршей власти»^[192]. Однако, камнем преткновения стал здесь не столько вопрос веры как таковой, сколько расхождение в традициях восприятия верховной власти. Расхождение проявилось в разных смыслах, придаваемых этой церемонии русскими – с гораздо более глубокой традицией сакрализации царской власти – и поляками, желавшими вписать нового польского короля в собственный историко-культурный контекст.

Тем не менее разногласия в русских и польских откликах на коронацию 1829 г. еще не дают нам повода разделить тезис Н. К. Шильдера о том, что польская коронация Николая I стала «разрывом между поляками и династией». Коронация (и различные способы ее

³ Везде, повсеместно, всенародно – *лат.*

репрезентации) были попыткой сгладить противоречия между властью и обществом в Царстве Польском, рассчитанной в основном на польскую аудиторию. Вот почему варшавская коронация Николая I прочно вошла в историческую память поляков (в отличие от русских, которыми она до сегодняшнего дня была забыта^[193]). Последующий явно негативный ореол, которым это событие было окружено, обусловлен взглядом на него сквозь призму польского восстания 1830 г. и романтической историографии, надолго определившей стереотипы польского исторического сознания. Выводы, которые можно сделать из исследования русских и польских текстов различных жанров (прессы, мемуаристики, художественной литературы), посвященных коронации 1829 г., связаны скорее с различиями самих этих жанров в качестве исторических источников и с метаморфозами исторического сознания.

История одного путешествия

И. Шварц. О поездке Петра Великого в Пресбург⁴

В последние годы в общественном мнении России растет популярность Петра Великого. Личность царя и эпоха его реформ пользуются особой симпатией и популярностью. Это не только традиционная любовь к сильной личности, к хозяину, который сам наводит порядок в своем доме, но и к его безупречной репутации государственного деятеля. Его нельзя упрекнуть в том, что он заботился только о своем благе, о славе и наградах, ибо прежде всего царь думал о государстве^[194]. Евгений Анисимов – признанный российский исследователь петровской эпохи – считает, что в этой любви к первому императору «видна тоска, сожаление о потускневшем блеске империи, об ее утраченном огромном пространстве, которое в России всегда было символом могущества и силы»^[195]. И хотя уже три столетия в русском обществе и в исторической науке продолжается полемика о наследии Петра Великого, неоспоримо то, что его реформы положили начало превращения России в европейскую державу.

В этой связи не случайно, что с 2009 г. в Петербурге, в рамках масштабной историко-культурной программы «Путь Петра Великого», ежегодно проводятся конгрессы петровских городов, а в феврале 2010 г. был учрежден научный Институт Петра Великого. В его программу входит публикация наследия Петра Великого, составление свода музейных, мемориальных и исторических памятников, которые находятся в России и в Европе и связаны с деятельностью царя-реформатора, а так же культурное объединение петровских городов. К таковым относятся населенные пункты, которые Петр посещал во время своих путешествий по России и Европе, а также основанные лично Петром или имеющие отношение к его реформам и политике. К этому списку по праву принадлежит и современная столица Словакии – Братислава. Возникает закономерный вопрос, почему, откуда такой интерес к этому городу и чем он привлек царя? Ведь Петр I во время путешествия Великого посольства по дороге в Вену даже в «златой Праге» не остановился, а проехал мимо!

Как известно, столица современной Словакии официально носит имя «Братислава» лишь с 1919 г. В Средние века и Новое время город имел немецкое название – Пресбург (по-венгерски – Пожонь), и с 1526 по 1848 гг. сначала фактически, а затем и юридически имел статус столицы Венгерского королевства в рамках владений Австрийского дома. Именно в Пресбурге императоры Священной Римской империи из династии Габсбургов короновались венгерскими королями, как это в 1655 г. сделал принимавший Петра в Вене император Леопольд I (1658–1705 гг.). Помимо соображений верности исторической правде, немецкое название Пресбург будет иметь ключевое значение в наших поисках ответа на вопрос, почему Петр Великий посетил этот город.

В историографии почти не уделялось внимания пребыванию Петра в Пресбурге. В известной работе М. М. Богословского встречается только короткое описание: «Из Бадена Петр, вероятно, 6 июля проехал в венгерский город Пресбург, лежащий на левом берегу Дуная в 60 верстах ниже Вены. С половины XVI в. этот город (по-венгерски *Pozony*) был столицей Венгерского королевства, и в его старинном, построенном в XIII в. готическом

⁴ В основу статьи положен доклад, зачитанный 5 октября 2010 г. при открытии выставки «Петр I в Братиславе» в Российском центре науки и культуры в столице Словакии. Выражаю глубокую благодарность научному сотруднику Института истории Словацкой академии наук Татiane Ивантышыновой, которая рекомендовала мне работы словацких авторов, использованные в данной статье.

соборе венгерские короли венчались короною св. Стефана. 7 июля царь вернулся в Вену»^[196]. Другой знаток проблематики, Н. В. Устрялов, лаконично сообщал, что Петр «ездил в Пресбург, столицу Венгрии»^[197], а в новом капитальном труде Дмитрия и Ирины Гузевич о путешествии Великого посольства по Европе визит царя в Пресбург упоминается только как «челночная поездка из Вены»^[198].

Из словацких авторов следует сослаться, прежде всего, на исследование Андрея Шаша о пребывании Петра в Пресбурге^[199]. Публикация основана на солидном материале, предлагает детальный анализ политической обстановки конца XVII в., воссоздает маршрут путешествия Великого посольства по Европе и анализирует причины приезда царя в столицу Венгерского королевства, но, к сожалению, в работе немало спорных заключений. Например, вызывает сомнение утверждение Шаша, что Петр вместе с венгерским графом Яношем Палфи охотился в лесах в его имении Ступава⁵. Во-первых, у царя не было времени для охоты (в Пресбурге он провел всего один день), а, во-вторых, к охоте Петр был равнодушен, его волновали вопросы делового характера и, прежде всего, работа верфи или строительство в Пресбурге новых кораблей. Ошибочна также датировка пребывания монарха в городе. Шаш относит ее к 18–20 июня^[200], а по свидетельствам источников, – например, судя по записке русского «Юрнала», Петр Первый посетил город в июле, причем 7-го числа уже вернулся в Вену⁶. Из словацких авторов следует также упомянуть Игоря Янота, который, впрочем, основывается на работе Шаша и повторяет его ошибочную датировку пребывания Петра в Пресбурге^[201].

Кстати, большой популярностью сюжет пребывания Петра в Пресбурге пользуется у драматургов. Словацкий писатель Ян Солович сочинил по этому историческому сюжету пьесу в стиле *commedia dell'arte* под названием «Петр и Павел». В ней воссозданы нравы, царившие в Пресбурге в конце XVII в., когда город инкогнито посетил русский царь^[202]. В 1988 г. по этой пьесе был создан игровой фильм, который время от времени повторяет словацкое телевидение.

Обратимся к источникам. Мои изыскания в австрийских архивах, и прежде всего в венском Архиве императорского дома, двора и государства (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv*), не увенчались успехом. В дипломатической переписке с Россией (фонд «*Russland I*»), церемониальных протоколах (*Zeremonialprotokolle*) и иных церемониальных актах (*Ältere Zeremonielakten*) записей о пребывании царя в Пресбурге не сохранилось. Это объясняется тем, что он был в городе инкогнито, и особый церемониал во время поездки не соблюдался. В депешах венецианского посланника при императорском дворе Карло Рудзини, хранящихся в фонде «*Dispacci di Germania*», упоминается только неожиданный отъезд царя в Пресбург с целью осмотреть новые корабли на Дунае, но не указывается, когда это было и сколько дней он там оставался^[203].

Изучая протоколы и акты венского Придворного военного совета (*Protokolle des Wiener Hofkriegsrats*) за период пребывания Великого посольства в Вене (напомним, это было в июне – июле 1698 г.), а также документы Архива Придворной казенной палаты (ныне – часть Объединенного архива администрации, финансов и Придворной казенной палаты, *Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv*), мне удалось найти запись от 12 июня 1698 г., касающуюся финансовых аспектов проезда Великого посольства по территории Моравии. Представители сословно-представительного органа этой земли – ландштанда (*Landstand in Mähren*) – сообщали, какой провиант и какая денежная сумма предположи-

⁵ Автор статьи следует принятой в словацкой исторической науке норме давать современные словацкие топонимы для периода, предшествовавшего образованию Чехословакии. В рассматриваемый период населенный пункт находился на территории Венгерского королевства и назывался Штомфа. См. также Список исторических географических названий в конце тома. – (Прим. ред.)

⁶ Дата в «Юрнале» дана по старому стилю.

тельно нужны на время проезда Великого посольства через Моравию, и доносили о том, что русский царь инкогнито находится в составе посольства^[204]. Иными словами, еще в начале июня было известно о предстоящем приезде Великого посольства в Вену, но в документах нет прямых указаний на ожидание Петра в Пресбурге или свидетельств о каких-либо приготовлениях к этому событию.

В русских источниках пребывание Петра в Пресбурге упоминается в так называемом «Юрнале»^[205]. Это походный журнал с короткими примечаниями, который велся во время поездки, и по нему можно проследить весь путь Великого посольства. Здесь мы читаем, что 3 июля «Десятник изволил ездить в Теплицы»^[206]. Имеется в виду знаменитый своими целебными серными источниками курорт Баден, расположенный в 25 км от Вены. Из «Расходных книг» Придворной казенной палаты известно, что Петр поехал туда вместе с А. Д. Меншиковым, а день спустя, 4 июля, в Баден приехали первый и второй посол – Франц Лефорт и Ф. В. Головин^[207]. Видимо, царь находился здесь до 5 июля. Далее в «Юрнале» упоминается, что 7 июля он приехал домой и был в *Прешпурке*. Дата 7 июля дана по юлианскому календарю, поэтому для уточнения дня возвращения Петра из Пресбурга по григорианскому календарю надо добавить 10 дней: иными словами, Петр вернулся в Вену 17 июля.

Нам известно, когда вернулся, но нет прямых указаний на то, когда уехал и сколько дней был в Пресбурге. Ответ на этот вопрос дает нам реляция папского нунция Андреа де Санта Кроче кардиналу Ф. Спада. Нунций информировал Ватикан, что Петр присутствовал в среду вместе с императором Леопольдом I на службе кардинала Л. Колонича, обедал с патером Вольфом (Фридрихом Вольфом фон Людинггаузенем) у иезуитов и сразу после этого уехал в Пресбург. Целью поездки был осмотр строящихся новых кораблей^[208].

Если подсчитать, что по григорианскому календарю среда была 16 июля, а вернулся Петр, по свидетельствам источников, 17 июля, то поездка в Пресбург длилась всего два дня и была неожиданным и очень быстрым демаршем^[209]. Вполне возможно, что он переночевал не в городе, а в гостях у князя Пала Эстерхази в его резиденции, известной в историографии под своим немецким названием Киттзее, о чем подробно рассказано ниже. Благодаря информации из уже упомянутых депеш нунция А. де Санта Кроче и венецианского посла К. Рудзини нам известно, что Петра в поездке в Пресбург и Киттзее сопровождали Ф. Лефорт и известный иезуит патер Вольф.

Вернемся к вопросу о том, откуда такой интерес к Пресбургу? Какие были у русского царя основания приехать сюда? Их было несколько. Первое связано с детством Петра. В 1684 г. в селе Преображенское на левом берегу Яузы по приказу юного царя была построена деревянная крепость, названная Пресбургом. Наверное, по имени знаменитой в то время императорской крепости, о которой он слышал либо от своего учителя, немецкого капитана Симона Зоммера, либо от строителей потешной крепости. Зоммер поступил на русскую службу в 1682 г. и обучал молодого Петра ружейной стрельбе, но вполне возможно, что прежде он служил в императорской армии^[210]. В 60–70-е годы XVII в., в ожидании новых военных столкновений с Османской империей, началась модернизация фортификационной системы Габсбургской монархии. Под руководством военного инженера Йозефа Приама планировалось строительство современной оборонительной системы города Пресбурга, которая должна была выдержать и выстрелы вражеских пушек, и осаду противника. Однако в действительности к 1674 г. удалось построить только новые бастiónы и Леопольдовы ворота^[211]. Наверно, в переустройстве фортификационной системы были заняты мастера, которые потом участвовали в строительстве крепости под Москвой. Вполне вероятно, что и сам капитан Зоммер служил в Пресбургской крепости и это объясняет, почему петровская потешная крепость носила название Пресбург (Прешбург, Прешпурх).

Под Пресбургом на Яузе появились и первые потешные суда – большая шняка⁷ и струг с лодками. Со временем крепость стала столицей всех потешных полков царя, приобрела грозный и неприступный вид. Здесь назначались заседания Думы, учения войск, велось следствие во время стрелецких бунтов и заговоров против царя. Миниатюры к работе Петра Крекшина «Повесть о зачатии и рождении Петра Великого» являются одним из важнейших источников о юности царя и учениях потешных полков в крепости Пресбург / Прешпурх^[212].

Подмосковный Пресбург был не только «неприступной крепостью», но и местом увеселений. Во главе потешного сообщества стоял один из самых близких Петру людей – князь Ф. Ю. Ромодановский, получивший потешный титул «князь-кесаря, парижского и *пресбургского* короля [здесь и далее курсив мой. – И. Ш.]»^[213]. С 1691 г. в Пресбурге соби-рался и так называемый «Всешутейший и всепьянейший собор», на котором председатель-ствовал дядька Петра – Никита Зотов, под именем «всешутейший отец Ионникий *Прес-бургский*, Кокуйский и Всеяузский патриарх»^[214]. Члены «собора» устраивали пародийные шествия, организовывали кощунственные пьяные оргии. Из всего сказанного видно, что юность Петра, его военные забавы и потехи были связаны с потешным городом на Яузе, поэтому неудивительно, что, приехав в Вену, он захотел увидеть и настоящую крепость Пресбург.

Однако в первую очередь за намерением Петра поехать в Пресбург стояло желание увидеть императорский Дунайский флот. Ни в Голландии, ни в Англии у него не было воз-можности познакомиться со строительством речного галерного флота. Поездка в Венецию была впереди, а в венском Арсенале ему довелось осмотреть только старый тип галер и полугалер. Зато в Пресбурге ему представлялся шанс посетить верфь, где в это время стро-или новые корабли. Мы полагаем, что Петр не только хотел узнать, как идет строительство новых галер, но и завербовать специалистов для своих кораблей. Английский путешествен-ник Эдуард Браун в описании придудайских стран (1669/1670) отмечал, что на пристани в Пресбурге видел множество лодок и других судов^[215]. Тамошнее Братство св. Николая сла-вилось своим умением водить корабли, но вопрос о том, поехали ли люди из братства в Рос-сию, остается открытым.

Для Габсбургской монархии год 1697 был роковым. Особенно после победы армии Евгения Савойского при Зенте в Придворном военном совете шли ожесточенные споры о необходимости поменять тактику войны в бассейне Дуная, для чего нужно было стро-ить новый флот. Адмиралом действующей Дунайской флотилии был выходец из Голландии Людвиг фон Ассембоург. Забегая вперед, скажем, что, получая деньги для строительства нового флота, он использовал их в своих личных интересах, за что в 1703 г. его приговорили к отрезанию носа и ушей^[216]. Приговор, впрочем, не был приведен в исполнение, так как Ассембоургу удалось вовремя бежать^[217]. Протокольные записи и документы архива При-дворной казенной палаты содержат сведения как о строительстве и ремонте кораблей, так и о протестах, связанных со скандальными действиями этого адмирала.

Новый императорский Дунайский флот, состоял из флотов швейцарца вице-адмирала Ф.-Л. Сент-Сафорина и адмирала барона Ф Дильхера фон Альтана. По предложению Сент-Сафорина нужно было усовершенствовать галеры так, чтобы они передвигались быстрее. Для этого они должны были иметь в длину 33, а не 44 м, и ширину – 9 м. Далее, новые корабли были плоскодонными, чтоб не оседать в мелких водах, и имели на борту не 40, а всего лишь 20 пушек. Размер этих галер сопоставим с двойными чайками⁸, и, хотя они не отличались особой маневренностью, вполне годились для защиты понтонных мостов, а при необходимости накрывали Дунай артиллерийским огнем^[218]. Придворный военный совет не

⁷ Шняка – парусно-гребное рыбацкое судно.

⁸ Чайка – беспалубный плоскодонный челн.

был согласен с проектом Сафорина, но патер Вольф проявил исключительный дипломатический талант и успел убедить императора в необходимости строительства новых кораблей. В декабре 1698 г. он сообщил графу Штарембергу, что уже передал деньги барону Альтану для строительства галер^[219]. Выходит, к моменту приезда Петра работа над строительством новых галер уже шла, и неудивительно, что Петр хотел увидеть мастерство кораблестроителей.

Петра могла заинтересовать в Пресбурге и новинка армии принца Евгения Савойского – понтонные мосты из медных листов (*Kupfer-Pontonen*). Это открытие пришло через Голландию из Франции. Уже в 1672 г. французы имели 110 таких понтонных мостов при Намюре во Фландрии^[220]. Каждый из них мог выдержать 4,5 т груза. Понтонный мост собирался из 1,6-миллиметровых медных листов, крепившихся на деревянные каркасы^[221]. Они имели малый вес и их можно было легко транспортировать. В практике строительства понтонных мостов до этого преобладали конструкции из дерева. Была ли у Петра в Пресбурге возможность увидеть эти новые мосты – трудно сказать.

Не исключено, что в Пресбурге царь кроме верфи осмотрел и иные достопримечательности города, как делал это во время путешествия посольства – ознакомился с фортификационной системой, зашел в кафедральный собор св. Мартина, где короновались венгерские короли^[222]. Императоры Священной Римской империи из династии Габсбургов обладали венгерской короной, но проживали не в Пресбурге, а в главном городе своих обширных владений – Вене. Европейская модель преемственности и разделения власти, ее параметры и атрибуты интересовали Петра не с точки зрения церемониала, а в контексте ее легитимности и законности. Как известно, после основания Петербурга новый город стал столицей империи, но венчания на царство проводились до конца династии Романовых в старой столице государства, Москве. Таким образом, не всегда столичный город становился коронационным центром. Иначе говоря, хотя центр власти переносился из одной резиденции в другую, традиция, связанная с коронацией, сохранялась и являлась подтверждением законности власти.

На обратном пути Петр побывал в гостях у князя Пала Эстерхази в Киттзее, с которым, по всей вероятности, познакомился еще до этого в Вене. О пребывании в Киттзее царя свидетельствует белая фаянсовая кружка из экспозиции этнографического музея. Она украшена русским двуглавым орлом и надписью – «1698». Предполагается, что это был специальный заказ венгерского князя – подарок для царя^[223]. Не исключено, что тогда изготовили сразу несколько кружек, но одна из них разбилась и осталась в подвале дворца. Этот экспонат представляет интерес с точки зрения техники изготовления фаянса и ставит вопрос о возможности найма таких специалистов в Россию. Ведь одной из основных задач посольства было приобретение умений и знаний, а также наем мастеров на русскую службу. Голландская керамика была очень дорога, но идея привлечь специалистов из Пресбурга, которые могли бы наладить производство фаянса в России, казалась вполне осуществимой. Полвека спустя, во времена правления дочери Петра Первого – Елизаветы Петровны – мастера из окрестностей Пресбурга переселились в Черниговскую область, где начали производство так называемой габанской керамики⁹ («*Habaner Keramik*»)^[224].

Необходимо обратить внимание на еще одну деталь, связанную с поездкой Петра. Вместе с ним в Пресбург поехал известный иезуит, патер Вольф, приближенный к императору Леопольду I, выступивший инициатором создания католического университета в Бреслау (1702). (В честь императора этот университет был назван «Леопольдина».) Вольф был тонким дипломатом и финансовым гением, который умудрялся в самой тяжелой ситуации найти

⁹ Габаны – название моравских братьев, выселившихся в начале XVII в. из Богемии в соседние комитаты Венгерского королевства. Славились своим трудолюбием, особенно мастерством в изготовлении изделий из глины.

средства для осуществления военных планов и ведения боевых действий. Его с полным правом можно назвать «серым кардиналом» и де-факто финансовым министром императора. Так, во время похода против турок (июнь 1696 г.) ему удалось погасить конфликт, внезапно возникший между саксонским курфюрстом Фридрихом Августом I и австрийскими генералами. Считается также, что он сыграл ключевую роль в попытках убедить Фридриха Августа I перейти в католицизм. В одном из писем он обратился к нему словами: «Светлейший курфюрст! Милостивый государь! Почти король!» (*Durchlauchtiger Kurfürst! Gnädiger Herr! Beinahe König!*)^[225], намекая, видимо, на его будущее избрание на прусский престол, а, вполне возможно, и на обретение польской короны. Близко сошедшийся с царем иезуит получил перед отъездом в подарок «сорок соболей в 260 рублей, сорок – в 200 рублей и четыре косяка камок¹⁰», чуть ли не самый щедрый подарок за все время путешествия посольства^[226]. Это ли не свидетельство того, что Петр был доволен не только «инженерскими инструментами», которые патер Вольф преподнес ему в подарок, но и результатами совместной поездки в Пресбург.

В заключение можно констатировать, что Великое посольство преследовало конкретную политическую цель – активизировать деятельность «Священной лиги», укрепить союзнические связи и заручиться поддержкой европейских стран в борьбе против Османской империи и Крымского ханства. После взятия Азова, при более интенсивной поддержке европейского альянса, Россия могла рассчитывать на осуществление своих внешнеполитических планов по расширению границ до Черноморского побережья. Но Великое посольство преследовало и другие цели: получение кредитов, приглашение на русскую службу специалистов; заказ и закупку военных материалов, вооружений, обучение. Именно с этими целями и интересами было связано короткое пребывание Петра в Пресбурге.

¹⁰ Камка – шелковая узорчатая ткань.

О. В. Хаванова. Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного цесаревича¹¹

Немецкий историк Н. Конрадс подсчитал, что между 1577 г., когда австрийский эрцгерцог Матиас отправился в путь под видом слуги, и 1982 г., когда императрица Зита смогла посетить Австрийскую республику под именем герцогини Барской, в европейской истории 41 государь путешествовал инкогнито, т. е. под вымышленным именем^[227]. Россия представлена в списке одним лишь царем Петром Алексеевичем (1682–1725 гг.), открывавшим для себя Европу как Петр Михайлов. Сам автор признает, что список далеко не полный. В самом деле, там нет упоминания не только о кратковременном пребывании шведского короля Густава III (1771–1792 гг.) под именем графа Готланда при Санкт-Петербургском дворе, но и о весьма продолжительном путешествии по Европе графа и графини Северных (*von Norden*)^[228], за которыми скрывались цесаревич Павел Петрович (1754–1801) с супругой Марией Федоровной (1759–1828).

Этот вояж стал первым со времен «Великого посольства» длительным и насыщенным путешествием членов российского правящего дома за рубеж. Граф и графиня Северные отправились в путь 19 (30)¹² сентября 1781 г. и вернулись в Петербург лишь в конце 1782 г. Побывав в Польше, они ступили на подвластные Австрийскому дому земли во вновь приобретенной Галиции, проехали по Моравии, где их в Троппау встретил Иосиф II (1780–1790 гг.), вместе с ним отправились в Вену, где отпраздновали Рождество и Новый год. Далее их путь лежал через Нижнюю Австрию, Каринтию и австрийское Приморье с бурно отстраивавшимся тогда Триестом, в Венецию, принадлежавшую Габсбургам Тоскану, затем в Рим и Неаполь. Обозрев красоты Италии, супруги побывали в Австрийских Нидерландах (Бельгии), провели несколько недель в Париже и отправились в обратный путь, чтобы в сентябре 1782 г. снова ненадолго остановиться в Вене, и далее – уже известным путем – поспешить в Петербург. На всем протяжении пути по особому настоянию венского двора граф и графиня тщательно избегали только одной европейской столицы – Берлина, где правил заклятый враг Габсбургов – Фридрих II (1740–1786 гг.).

Дипломатическая сторона этого ответного, по сути, визита к императору Священной Римской империи Иосифу II, ранее в том же году посетившему Россию, описана, например, в монографии М. А. Петровой^[229]. Там же подробно говорится о важной подоплеке поездки – встрече великой княгини Марии Федоровны в Вене с родителями – герцогами Вюртембергскими. Они также путешествовали инкогнито, как граф и графиня Грёнинген в сопровождении сына и младшей дочери Елизаветы (1767–1790), которую Иосиф – для укрепления связи между Веной и Петербургом – прочил в жены племяннику, будущему императору Францу II (I). Между тем, у путешествия была насыщенная, продуманная и весьма разнообразная культурно-просветительская программа, о которой редко вспоминают современные исследователи^[230]. Этот недостаток отчасти восполняет данная статья.

Нахождение Павла Петровича в Вене документировано в источниках различного происхождения: донесениях посла князя Дмитрия Михайловича Голицына (1721–1793) из Вены, реляциях графа Иоганна Людвига Йозефа Кобенцеля (1753–1809) из Санкт-Пете-

¹¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003a1.

¹² Здесь и далее даты даются по старому и новому стилю. В случаях, когда речь идет о письмах иностранцев из России на первом месте стоит число по григорианскому календарю, в случаях писем россиян из-за границы на первом месте число по стилю юлианскому.

бурга и его переписке с императором Иосифом II^[231], в письмах императрицы Екатерины II к австрийскому императору^[232], сыну и невестке^[233], в газете «*Wiener Zeitung*»^[234], наконец, в актах и счетах Венской придворной казенной палаты. Из них, с одной стороны, создается картина, каковы были церемониал и содержание культурно-ознакомительной программы для членов правящих домов, находящихся в австрийской столице с визитами. С другой стороны, предоставляется возможность воссоздать интересы и предпочтения самих царственных гостей, а также проследить влияние, которое вояж в дальнейшем оказал на их вкусы и круг интересов. К сожалению, самый, может быть, ценный источник – путевые дневники, которые каждый день педантично вела великокняжеская чета, по сведениям ученых не сохранились^[235]. Как не сохранились и их письма к императрице.

В историографии давно и подробно описано, какие интриги плелись вокруг предстоящего вояжа. Однако у ученых нет однозначного ответа, действительно ли цесаревич желал пуститься в странствия, чтобы духовно возмужать, своими глазами увидеть достижения европейской цивилизации, свести знакомства с дружественными европейскими дворами. Возможно, он покорился воле матери, вознамерившейся таким образом упрочить сближение с Австрией и держать сына подальше от главного сторонника ориентации на Пруссию – фактического министра иностранных дел Никиты Ивановича Панина (1718–1783). Каково бы ни было подлинное положение вещей, австрийская сторона была уверена, что в намерения российской самодержицы входит как можно более долгое отсутствие сына в столице. В августе 1782 г., в канун второго визита великокняжеской четы в Вену, Кобенцель писал государственному канцлеру Венцелю Антону Кауницу (1711–1794): «Мне тайно дали понять, впрочем, из весьма надежного источника, что императрица не станет возражать, если пребывание у нас царственных путешественников и их возвращение домой будет отложено настолько, насколько это только возможно»^[236].

Поначалу Павел надеялся, что ему представится возможность заехать в Берлин, чтобы лично засвидетельствовать свое уважение Фридриху II, с которым был лично знаком с 1776 г.^[237] Одно время Мария Федоровна лишь укрепляла его в этом желании: ведь при прусском дворе служили ее братья. Реляции Кобенцеля в конце лета – начале сентября говорят о той озабоченности, которую проявлял венский двор в связи с возможными изменениями маршрута. За всеми интригами мерещился воспитатель цесаревича граф Панин. Страшные подозрения разделял и британский посол Джеймс Гаррис (1746–1820)^[238]: «До тех пор пока граф Панин оставался здесь, настроение и расположение их императорских высочеств были подвержены постоянным переменам. Всякий раз как курьер из Вены привозил им письма от императора, они были на стороне Австрии и восхищались мыслью о своем путешествии; но после свидания с графом Паниным, который преподавал им правила, предписанные ему из Потсдама, чувства их изменялись, они едва говорили с графом Кобенцелем, и, казалось, чрезвычайно сожалели, что им предстояло уехать из Петербурга. По отъезде графа Панина зрелище переменилось»^[239].

Павел Петрович отправился в далекое, беспрецедентно долгое путешествие в канун своего двадцать седьмого дня рождения, супруге его шел двадцать второй год. Молодую мать страшила разлука с сыновьями, тем более что им недавно привили оспу, и обычное в таких случаях недомогание стало причиной отсрочки отъезда. О трогательной сцене прощания Кобенцель писал: «Они собрали всю свою челядь, которая не удостоилась милости сопровождать их, обратились к ним с самыми сердечными выражениями и попросили прощения за невольные обиды. Когда их императорские высочества расставались с императрицей и детьми, великая княгиня трижды падала без чувств, так что пришлось ее в обморочном состоянии отнести в карету^[240]. Момент отъезда являл собой весьма трогательную картину. Собравшиеся не сдерживали слез, а теснившийся вокруг народ, который был явно недово-

лен отъездом и длительным отсутствием цесаревича, громко роптал к немалому неудовольствию императрицы»^[241].

Австрийская сторона начала готовиться к приему гостей за несколько месяцев. В конце июля 1781 г., в бытность свою в Версале, император через канцлера Генриха Блюмегена (1715–1788) отдал распоряжение губернатору Галиции графу Йозефу Бригидо (1733–1817) принять все необходимые меры. Таковых оказалось немало. Предстояло рассчитать, в какие дни, через какие почтовые станции будет пролегать маршрут, и держать там достаточное число лошадей. Нужно было заблаговременно проверить состояние дорог и мостов, запастись соломой и фашины в местах, где дороги размыты или разбиты, (чтобы залатать ими лужи или сгладить колдобины непосредственно перед проездом высоких гостей). В расчет принималось и то обстоятельство, что, когда путешественники въедут в Моравию, где качество дорог несравненно лучше, чем в Галиции, скорость передвижения возрастет. В середине каждого дня пути предусматривалась остановка для обеда. В качестве ночлега следовало избирать лучшие из замков, епископские резиденции, монастырские подворья или дворцы на балансе императорской казны^[242]. Поскольку высокие гости путешествовали инкогнито^[243], они выразили желание самостоятельно оплачивать свои трапезы. Хозяевам же полагалось позаботиться о достаточном количестве «мяса, вина, пива, хлеба и дичи». Их застолья нигде не должны были привлекать внимания, на всем пути следования запрещались иллюминации, фейерверки и воздвижение триумфальных арок. Разрешались только бал-маскарады (редуты), куда по бесплатным билетам допускались бы лучшие граждане из всех сословий, а также неумотительные спектакли и камерные концерты^[244].

В Бродах гостей встретил приставленный к ним камергер граф Иоганн Рудольф Хотек (1748–1824), сопровождавший их затем вместе с супругой на протяжении путешествия по Австрийским владениям, вплоть до самой Венеции. Желая сделать приятный сюрприз и тем самым оказать знак особого внимания, Иосиф II лично выехал им навстречу в Троппау. Хозяин и гости почти не разлучались: вечером удостаивали присутствием организованные в их честь спектакли и балы, днем передвигались в одной карете. 21 ноября по новому стилю, во второй половине дня, российские гости въехали в Вену. В императорском дворце Аугартен состоялась трогательная встреча Марии Федоровны с родителями, сестрой и братом.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743/1744–1810) называла такие заграничные поездки с образовательными целями «умными» путешествиями^[245]. С первых дней пребывания в австрийской столице русские гости не имели ни одной свободной минуты. Приемы при дворе сменялись экскурсиями по городу. Едва отдохнув от продолжавшихся всю ночь балов и маскарадов, они шли в библиотеки, картинные галереи, на производственные предприятия. Проведя вечер в опере, граф и графиня Северные отправлялись в гости к кому-либо из вельмож, а наутро они снова спешили в университет, библиотеку, картинную галерею. Великая княгиня повсюду, за исключением охоты, военных маневров и осмотра казарм, следовала за супругом, внимательно слушая и запоминая все, что им рассказывали в больницах, странноприимных домах, сиротских приютах. Вспоминал ли цесаревич в те дни слова, которые пару лет назад обронил в разговоре с имперским послом Йозефом Клеменсом Кауницем (1743–1785) по поводу пребывания в Петербурге графа Готланда? Дипломат писал тогда в Вену: «Великий князь никак не возьмет в толк, как можно находить удовольствие в том, чтобы не ложиться спать всю ночь и валяться в постели целое утро»^[246].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

С тезисами докладов, прозвучавших на конференции, можно ознакомиться по адресу: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2013_Romanovy_v_doroge.pdf (дата последнего посещения 31.III.2015). Обзор конференции см.: Клопова М. Э. Конференция «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу» // Славяноведение. 2014. № 4. С. 121–124.

2.

Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton Univ. Press, 1995–2000. Vol. 1–2. В русском переводе см.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002–2004.

3.

Укажем некоторые отклики российских рецензентов: Домнина И. И. Рец. на: Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1995 // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 161–162; Долбилов М. Д. Рец на: Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1995 // Отечественная история. 1998. № 6. С. 177–181; Он же. Рец на: Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. Princeton University Press, 2000 // Отечественная история. 2001. № 5. С. 178–181.

4.

«Как сделана история». Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». Т. 1. М., 2002 // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 42–66.

5.

Эрлих С. Э. Уортмания. Восприятие идей Р. Уортмана в России // Эрлих С. Э. «Россия колдунов». СПб., 2006. С. 225–244.

6.

В последнее десятилетие концепт пути и дефиниция путешествия находятся в центре внимания ученых-гуманитариев, но к общему и единому определению исследователи не пришли. См., в частности: Культурное пространство путешествий. Тезисы форума 8–10 апреля 2003. СПб., 2003; Путешествие как историко-культурный феномен // Одиссей. 2009. М., 2010. С. 5–266. Теоретическое введение в: Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Предисловие // Homo viator. Путешествие как феномен культуры. М., 2010. С. 5–10; Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа. Конференция РГГУ и Крымского геополитического клуба (Москва, 2012). С материалами конференции можно ознакомиться по адресу: http://kogni.ru/news/annotacii_k_konferencii_vlast_marshruta/2012-11-10-1573 (дата последнего посещения – 31.III.2015). О ней см.: Сид И. «Власть маршрута». Постановка проблемы (<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Vlast-Marshruta.-Postanovka-problemy> – дата последнего посещения 31.III.2015); X Конгресс этнологов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013. Тезисы. Секция «Феномен путешествий». М., 2013. Конференция «Литература путешествий в свете компаративности. РГГУ, «Белые чтения». 17–19 октября 2013 г. Программу см.: ruthenia.ru/konf/belye_chtenija_2013.docx (дата последнего посещения

31.III.2015). См. также: Золотой век Grand Tour. Путешествие как феномен культуры / Сост. и общая редакция В. П. Шестакова. СПб., 2012.

7.

Подробнее см.: Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 214–250; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 8 т. СПб., 1858–1863. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 118–235; Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 24–30; Pilss F. Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. Wien, 1949 (рукопись).

8.

Подробнее см.: Höfler C. Fragmente zur Geschichte Kaiser Karl's VI. Nach geheimen brandenburgischen Archivalien und Aufzeichnungen des Grafen Stefan Kinsky bearbeitet // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. 1868. Bd. 60. S. 417–453; Steppan Ch. Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Phil. Diss. Innsbruck; Bologna, 2014. S. 130–166 (рукопись).

9.

Steppan Ch. Akteure. S. 166–174.

10.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267r–267v.

11.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267v.

12.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267v–268r.

13.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 269r.

14.

Ж. Кампредон – Г. Дюбуа, Санкт-Петербург, 29.X.1721 // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Ч. 2. С. 285–287. Текст доступен по адресу: <https://archive.org/stream/sbornik54obshgoog#page/n15/mode/2up> (дата последнего посещения 31.III.2015)

15.

Ж. Кампредон – Г. Дюбуа, Санкт-Петербург, 29.X.1721 // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Ч. 2. С. 288–289.

16.

Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 22–23.

17.

Подробнее см.: Steppan Ch. Akteure. S. 192–232.

18.

С. Гохгольцер – Карлу VI, Санкт-Петербург, 16.VIII.1723, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 28. Russica 1723. Fol. 193r–193v.

19.

С. Гохгольцер – Карлу VI, Санкт-Петербург, 10.V.1723, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 28. Russica 1723. Fol. 79r.

20.

Ж. Кампредон – Ш. Ж.-Б. Флёрио графу Морвиллю, Санкт-Петербург, 3.IX.1723 // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Ч. 3. С. 370–374.

21.

Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt (далее – Europäische Fama). 1723. Theil. 270. S. 498–499.

22.

Подробнее см.: Gestrich A. Absolutismus und Öffentlichkeit. Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1994. S. 183–193 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 103); Kirchner J. Das deutsche Zeitschriftenwesen. Seine Geschichte und seine Probleme. Teil 1. Von den Anfängen bis zum Zeitalter der Romantik, Wiesbaden, 19582. S. 32–33; Wilke J. Grundzüge der Medien- und Kommunikationsgeschichte. Von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 94–114; Würigler A. Medien in der Frühen Neuzeit. München, 2009. S. 43–49.

23.

Подробнее см.: Blome A. Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. Wiesbaden, 2000. S. 121–122 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 57); Fissahn B. Faszination und Erschrecken: Die Russlandberichterstattung der «Europäischen Fama» in der nachpetrinischen Ära // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. von M. Keller. München, 1987. S. 136–152 (West-östliche Spiegelungen. Bd. 2); Korzun S. Heinrich von Huyssen (1666–1739). Prinzerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I, des Großen. Wiesbaden, 2013. S. 57–58 (Jabloniana. Quellen und Forschungen zur europäischen Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Bd. 3).

24.

Europäische Fama. 1723. Theil 270. S. 495–498.

25.

Подробнее см.: Агеева О. Г. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Под ред. А. В. Голубева: в 5 т. М., 2000–2008. Т. 3. М., 2006. С. 249–269; она же. Императорский двор России. 1700–1796 годы. М., 2008. С. 19–51; Hughes L. The Courts of Moscow and St. Petersburg, c. 1547–1725 // The Princely Courts of Europe. Rituals, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500–1750 / Ed. by J. Adamson. London, 1999. P. 295–338.

26.

Europäische Fama. 1723. Theil 270. S. 498–499.

27.

А. Рабутин – Ф. К. Шёнборну, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte 1726 VII–XII. Fol. 183r–183v.

28.

Подробнее см.: Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 82–104; Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 21–33; Kliwar J. Der österreichisch-russische Bündnisvertrag des Jahres 1726. Phil. Diss. Wien, 1921 (рукопись); Leitsch W. Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1958/1959. Jg. 6. S. 33–91.

29.

А. Рабутин – Ф. К. Шёнборну, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte 1726 VII–XII. Fol. 183v–184v; Брикнер А. Австрийские дипломаты в России. По документам венского архива // Вестник Европы. 1893. Т. 28. № 12. С. 512.

30.

Ж. Маньян – Ш. Ж.-Б. Флёрио графу Морвиллю, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726 // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 64: Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Ч. 6. С. 401.

31.

См.: Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 г. во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 2001. Вып. 2. С. 491–505; Алексеева М. А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в.: изданные и неизданные альбомы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 26. СПб., 1998. С. 232–240; Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010 (в диссертации представлена подробная историография проблемы, но источниковая база не включает материалы РГАДА).

32.

Государственность России. Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 291.

33.

ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 29. Berichte 1725 – Mai 1729. Fol. 162v.

34.

РГАДА. Ф. 156. Д. 41. Л. 23. М. А. Алексеева в указанной статье высказала предположение о том, что этот свиток был составлен для подготовки погребального альбома. Позволим себе не согласиться с этой версией. По нашему мнению, документ был создан в ходе планирования церемонии.

35.

РГАДА. Ф. 156. Д. 51.

36.

Чин погребения царицы Татьяны Михайловны // Древняя Российская вивлиофика. М., 1774. Ч. 4. С. 352–367; Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских. СПб., 1856. С. 5.

37.

О сохранившихся описаниях похорон царицы Марфы Матвеевны см.: Агеева О. Г. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах – 2007: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 6–7; Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. Текст доступен по адресу: http://statehistory.ru/books/Povsednevnyaya-zhizn-Petra-Velikogo-i-ego-spodvizhnikov/37#nt_pt_3_35 (дата последнего посещения 31.III.2015); Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001. Текст доступен по адресу: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/peter/paragraf1_1_3.html (дата последнего посещения 31.III.2015).

38.

РГАДА. Ф. 2. Дела, относящиеся до императорской фамилии. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

39.

См. подробное описание церемонии: Семевский М. И. Царица Прасковья. М., 1989. С. 172–174.

40.

Лирия, де. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. Текст доступен по адресу: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Lirijskij/text2.phtml> (дата последнего посещения 31.III.2015).

41.

Семевский М. И. Царица Прасковья. С. 103.

42.

См., например: Кедров Н. Приключение с племянницей Петра Великого царевною Прасковьей Иоанновной // Русский архив. 1887. Кн. 3. Вып. 10. С. 180–181.

43.

РГАДА. Ф. 2. Д. 48. Л. 1об.

44.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Д. 44.

45.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Д. 48. Л. 4об.

46.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 6.

47.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 8об.

48.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 20об. –21.

49.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 9об.

50.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 24об.

51.

Церемониал, по которому во время высочайшего шествия ея императорского величества в Тульском наместничестве исполнить надлежит // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 77–85; План дворянских должностей во время шествия через губернию Новгород-Северскую в собрании уездных предводителей учиненный (6 ноября 1786 г.) // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 86–90.

52.

Камер-фурьерский журнал 1767 года. СПб., 1856. С. 141.

53.

Дневная записка путешествия Ея Императорского Величества чрез Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно чрез Смоленск и Новгород (далее – Дневная записка) // Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 418. Текст доступен по адресу: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/9374-t-1-1867#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

54.

Описание торжественных вшествий Ея Императорского Величества, Благочестивейшая самодержавнейшая великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны в Ростов и Ярославль // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764. Январь. С. 61. В фокусе рассмотрения данного исследования – следующие путешествия Екатерины II: в Ростов (12.05–1.06.1763), по Волге (2.05–15.06.1767), в Белоруссию (9.05–17.06.1780), в Южную Россию (7.01–11.07.1787).

55.

Описание торжественных вшествий. С. 61.

56.

Екатерина II – Н. И. Панину. Кострома, 15.V.1767 // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10: Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства

Иностранных Дел. Ч. 2 (годы с 1765 по 1771). С. 191. Текст доступен по адресу: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/9410-t-10-1872#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

57.

Протасьев Н. Н. Пребывание Екатерины II в Костроме // РВ. 1810. Ч. 9. № 2. С. 82.

58.

Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989. С. 27–28.

59.

Речь, говоренная черниговского наместничества губернским дворянства предводителем, надворным советником, Андреем Полетикою, на всевысочайшее пришествие ея императорского величества в границы Черниговской губернии, при публичной аудиенции в губернском городе Чернигове // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 91.

60.

Екатерина II – Н. И. Панину. Кострома, 15.V.1767. С. 191.

61.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 35–37.

62.

Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 168.

63.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 40.

64.

По матери он приходился родным племянником кн. Г. А. Потемкина. См.: Есипов Г. В. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 г. // КС. 1891. Т. 34. С. 248.

65.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 35–37.

66.

Уортман Р. С. Сценарии власти. С. 191.

67.

Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII–XIX вв.: (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 27.

68.

Только во второй половине 80-х годов XVIII в. в России станут создаваться народные училища. См.: Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи, 5 августа 1786 г. // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 22. № 16421. С. 646–662.

69.

Граф Федор Евстафьевич (Астафьевич) Ангальт (1732–1794) – генерал поручик, генерал-адъютант императрицы Екатерины II, директор Сухопутного Шляхетского корпуса.

70.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 75.

71.

Екатерина II – Н. И. Панину. 13.V.1767. // Сб. РИО. Т. 10. С. 190.

72.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 17.V.1767 // ЖМЮ. 1915. № 10. С. 14.

73.

Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году [По материалам рукописного сборника конца XVIII в.] // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 2318. Л. 8 об.

74.

Владимиров В. В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867. Ч. 1. С. 112.

75.

Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году. Л. 9.

76.

Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году. Л. 9.

77.

К слову сказать, 31 мая 1767 г. после ужина, который давал губернатор, состоялся маскарад. Как отмечалось в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Благопристойность поведения и искусство в танцевании ясно свидетельствовали, что дворяне Казанские в благонравии и воспитании ни мало живущим в престольных городах не уступают». См.: Прибавление к № 58 // Санкт-Петербургские ведомости. 1767.20.VII.

78.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 66.

79.

См.: Владимирова В. В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. С. 114, 116.

80.

Дневная записка. С. 412.

81.

Барышников Н. Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886. С. 27.

82.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767 // ЖМЮ. 1915. Декабрь. № 10. С. 197.

83.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины I: в 2 т. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.; Л., 1941. С. 185.

84.

Собственноручные поправки Екатерины II в Наставлении губернаторам, а также замечания ее об этой должности, вошедшие потом в это Наставление // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 353.

85.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

86.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

87.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

88.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

89.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

90.

Межевание – определение на местности и юридическое оформление границ земельных владений. См.: Межевание // Отечественная история. Энциклопедия: в 5 т. М., 1994–2000. Т. 3. М., 2000. С. 524.

91.

См.: Герман И. Е. История русского межевания. М., 1910.

92.

Об учреждении Комиссии о государственном межевании. 5.III.1765 // ПСЗ РИ. Т. 17. СПб., 1830. № 12347. С. 82–83.

93.

Об учреждении Межевой конторы для межевания Псковской губернии. 17.XI.1780 // ПСЗ РИ. Т. 20: С 1755 по 1780. СПб., 1830. № 15086. С. 1015.

94.

Дневная записка. С. 402.

95.

А. А. Безбородко – А. Р. Воронцову, Ляды, 1.VI.1780 // Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 26: Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). С. 372. Текст доступен по адресу: <http://elibrary.ru/nodes/10286-t-26-1879#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

96.

Добрынин Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб., 1872. С. 211.

97.

Рапорт казанского губернатора А. Н. Квашнина-Самарина. 18.I.1767 // РГАДА. Ф. 16. Д. 720. Л. 56–57.

98.

Рапорт казанского губернатора А. Н. Квашнина-Самарина. 18.I.1767 // РГАДА. Ф. 16. Д. 720. Л. 56–57.

99.

Донесения П. А. Румянцева – Екатерине II. 26.IV.1787 // РГАДА. Ф. 16. Д. 742. Ч. 2. Л. 397.

100.

М. М. Щербатов проявил скептицизм по отношению к путешествию Екатерины II в Крым в 1787 г.: «Монархиня видела и не видала, и засвидетельствование и похвалы ее суть тщетны, самым действием научающие монархов не хвалить того, чего совершенно сами не знают». См.: Разные сочинения М. М. Щербатова // ЧОИДР. 1860. Т. 1. С. 80.

101.

Файбисович В. М. Александр I – человек на троне // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба....». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 78.

102.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897–1898.

103.

П. М. Волконский – А. А. Закревскому. Вена, 21.XII.1820 // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского: Ч. 1 С. 34. Текст доступен по адресу: <http://elibleshpl.ru/ru/nodes/11619-t-73-1890#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

104.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. СПб., 1898. С. 164. Текст доступен по адресу: <http://www.runivers.ru/bookreader/book428051/#page/1/mode/1up> (дата последнего посещения 31.III.2015).

105.

Файбисович В. М. Александр I. С. 81.

106.

Файбисович В. М. Александр I. С. 78.

107.

Шильдер Н. К. Александр I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М., 2010. С. 366.

108.

Тарасов Д. К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Птг., 1915. С. 151.

109.

Тарасов Д. К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Птг., 1915. С. 160.

110.

Тарасов Д. К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Птг., 1915. С. 165.

111.

Елизавета и Александр. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826 (Бумаги Дома Романовых) / Сост., пер. с франц. яз. и коммент. Д. В. Соловьева и С. Н. Искюля. М., 2013. С. 255.

112.

П. М. Волконский – А. А. Закревскому. Санкт-Петербург, 1.IX.1825 // Сб. РИО. Т. 73. С. 93.

113.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. С. 355.

114.

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: биография. М., 2010. С. 292.

115.

История города Таганрога / Сост. П. П. Филевский в память двухсотлетнего юбилея города 1698–1898. М., 1898. С. 125.

116.

Шильдер Н. К. Александр I. С. 393.

117.

История города Таганрога. С. 132.

118.

Великий князь Николай Михайлович. С. 293.

119.

Великий князь Николай Михайлович. С. 293.

120.

Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // РА. 1880. Кн. 3. № 1. С. 267.

121.

Братья Булгаковы. Письма: в 3 т. / Под ред. А. Танчаровой. М., 2010. Т. 2. Письма 1821–1826 гг. С. 545.

122.

Братья Булгаковы. Письма: в 3 т. / Под ред. А. Танчаровой. М., 2010. Т. 2. Письма 1821–1826 гг. С. 546.

123.

Последние дни жизни незабвенного монарха, в Бозе почивающего Государя Императора Александра I / Издано И. Заикиным. СПб., 1827. С. 14.

124.

Последние дни жизни незабвенного монарха, в Бозе почивающего Государя Императора Александра I / Издано И. Заикиным. СПб., 1827. С. 16.

125.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. С. 370.

126.

Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига. С. 292.

127.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. С. 370.

128.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. С. 373.

129.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. С. 373.

130.

П. М. Волконский – А. А. Закревскому. Таганрог, 21.XI.1825 // Сб. РИО. Т. 73. С. 96.

131.

Тарасов Д. К. Император Александр I. С. 201.

132.

Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». С. 160.

133.

Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». С. 160.

134.

Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». С. 165.

135.

Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». С. 165.

136.

Тарасов Д. К. Император Александр I. С. 208.

137.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 4. С. 435.

138.

Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 176.

139.

Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 177.

140.

Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 179.

141.

Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 181.

142.

Булгакова Л. А. Император путешествует // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2007. С. 431.

143.

Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе/графини Шуазель-Гуфье, урожд. графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе / Пер. Е. Миревич, вступ. статья А. А. Кизеветтера. М., 2007. С. 90.

144.

Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе/графини Шуазель-Гуфье, урожд. графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе / Пер. Е. Миревич, вступ. статья А. А. Кизеветтера. М., 2007. С. С. 154.

145.

См. об этом: Булгакова Л. А. Император путешествует. С. 432.

146.

Из архива Н. Н. Новосильцова. «В чаянии монарших милостей», 1816–1818. (Прошения поляков) / Собрал И. Г. Попруженко // РА. 1910. Т. 3. С. 161.

147.

Свидетельство М. Н. Грибовского. Цит. по: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 326.

148.

Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 530.

149.

Подробнее об этом см.: Филатова Н. М. Польские литераторы об Александре I // Славяноведение. 2011. № 1. С. 3–17.

150.

По сообщению Е. М. Болтуновой описание церемониала коронования короля Станислава Августа хранится в Российском государственном архиве древних актов. См.: Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // *Sztuka Europy Wschodniej*. Искусство Восточной Европы. Т. 1. Польша – Россия: искусство и история. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. Е. Малиновского, И. Гавраш и Н. Мизернюк-Роткевич. Warszawa-Toruń, 2013. С. 164.

151.

Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // *Kronika zamkowa*. 1987. N 6 (14). S. 8.

152.

[Н. Б.] О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110. С. 428–429.

153.

Obrzęd koronacji Najjaśniejszego Mikołaja I, Cesarza Wszech Rossyi, Króla polskiego w stolicy Królestwa w Warszawie. Warszawa, 1829.

154.

Цит. по: *Gazeta Warszawska*. 1829.13.V. N 128. S. 1176.

155.

Szokalski W. F. Wspomnienia z przeszłości / Z rękopisu wydał i przedmową opatrzył A. Wrzosek. T. 1 (1819–1837). Wilno, 1921.

156.

Думин С. В. Россия. История коронаций. М., 2013. С. 344.

157.

Николай I – цесаревичу Константину, Санкт-Петербург, 19.IV (1.V).1829 // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131: Переписка Императора Николая Павловича с Великим Князем Константином Павловичем: Т. 1: 1825–1829. С. 335–336.

158.

Gazeta Warszawska. 1828.1.III. № 59. S. 531.

159.

Цит. по: Выходчиков Л. В. Николай I. М., 2006. С. 263.

160.

Prażmowski A. Kazanie miane przed zaczęciem sejmu w kościele metropolitalnym warszawskim św. Jana dnia 28 maja 1830 r. Warszawa, 1830. S. 13.

161.

Skarbek F. Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej // Skarbek F. Dzieje Polski. T. 2. Poznań, 1877. S. 268.

162.

Письмо В. А. Жуковского к неизвестному лицу о преподавании покойному государю Александру Николаевичу сведений про бывшую Польшу // РА. 1884. Кн. 3. № 5. С. 118–119.

163.

Gazeta Warszawska. 1829.13.V. № 128. S. 1173–1176.

164.

Sapieha L. Wspomnienia (z lat od 1803 do 1863) / Z przedmową St. hr. Tarnowskiego /Wydał, wstępem i wyjątkami z korespondencji zaopatrzył B. Pawłowski. Kraków-Warszawa, 1912. S. 96.

165.

[Н. Б.] О коронации. С. 418.

166.

Gazeta Warszawska. 1829.14.VI. № 157. S. 1516.

167.

Отрывок письма из Варшавы // Северная пчела. 1829. № 63.

168.

Бенкендорф А. Х. Император Николай I в 1828–1831 годах // Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 254. (Полностью издано в: Император Николай I в 1828–1829 годах: Из записок А. Х. Бенкендорфа. Сообщ. и коммент. Н. К. Шильдер // РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 471–510; Т. 87. № 7. С. 3–27. Император Николай I в 1830–1831 годах: Из записок А. Х. Бенкендорфа // РС. 1896. Т. 88. № 10. С. 65–96).

169.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2014. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М., 2004. С. 308.

170.

Бенкендорф А. Х. Император Николай I. С. 251, 253, 255.

171.

[Львов А. Ф.] Записки композитора Алексея Федоровича Львова (1797–1837) // РА. 1884. Кн. 2. № 4. С. 242–243.

172.

[Колзаков К.П.] Воспоминания К. П. Колзакова о пребывании русских в Польше и революции в Варшаве. 1815–1830 // РС. 1873. Т. 7. № 4. С. 451.

173.

Szokalski W. F. Wspomnienia z przeszłości. S. 179.

174.

Szokalski W. F. Wspomnienia z przeszłości. S. 182.

175.

Patelski J. Wspomnienia wojskowe z lat 1823–1831 / Wydał i przypisami opatrzył Bronisław Gembarzewski. Wilno, 1921. S. 70, 71, 74.

176.

Patelski J. Wspomnienia wojskowe z lat 1823–1831 / Wydał i przypisami opatrzył Bronisław Gembarzewski. Wilno, 1921. S. 71.

177.

Szokalski W. F. Wspomnienia z przeszłości. S. 180.

178.

Getka-Kenig M. Ostatnia «polska» koronacja // Mówią wieki. 2009. № 10. S. 25.

179.

Kicka N. Pamiętniki / Wstęp i przypisy J. Dutkiewicz / Oprac. T. Szafrński. Warszawa, 1972. S. 159–160.

180.

Цит. по: Zajewski W. Uwagi historyka nad monografią o Kordianie // Przegląd Humanistyczny. 1963 (R. 7). N 6. S. 82.

181.

Mańkowska B. Pamiętnik Bogusławy z Dąbrowskich Mańkowskiej. Poznań, 1880. T. 1. Cz. 1. S. 31.

182.

Szokalski W. F. Wspomnienia z przeszłości. S. 180.

183.

Koźmian A. E. Wspomnienia. Poznań. 1867. T. 2. S. 138–139.

184.

Цит. по: Bizan M., Hertz P. Glosy do «Kordiana» // Słowacki J. Kordian. Warszawa, 1972. S. 239.

185.

Sapieha L. Wspomnienia. S. 98.

186.

Głębocki H. Ofiara z Imperium. Spisek koronacyjny 1829 roku – historia prawdziwa (?) w świetle nieznanych źródeł // Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzenia / Red. A. Nowak. Warszawa, 2010. S. 183–213.

187.

См. Bizan M., Hertz P. Glosy do «Kordiana». S. 285.

188.

Patelski J. Wspomnienia wojskowe. S. 70.

189.

Rozmowa między dwoma obywatelami o powodzeniu i skutkach dzisiejszej rewolucji. Warszawa, 1830. S. 13.

190.

Цит. по: Bizan M., Hertz P. Glosy do «Kordiana». S. 251.

191.

Подробнее о сюжете короны и коронации в польской романтической литературе см.: Филатова Н. М. Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел»// Концепт вещи в славянских культурах. М., 2012. С. 116–131.

192.

Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург. С. 164.

193.

В последние годы заметен явный интерес специалистов – не только польских, но и российских – к этой полузабытой теме. Наряду с цитированными выше работами см. также: Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5; Getka-Kenig M. Anonimowa scena Koronacji cesarzowej Aleksandry na królową Polski (1829–1830). Malarska wizja narodowego odrodzenia, czyli o dwóch wymiarach iluzji // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. Nowa seria. 2. 2013. S. 371–387.

194.

Анисимов Е. В. Петровские реформы и их исторические последствия для России // <http://window.edu.ru/resource/456/38456/files/spr0000002.pdf> (дата последнего посещения 31.III.2015).

195.

Анисимов Е. В. Петровские реформы и их исторические последствия для России // <http://window.edu.ru/resource/456/38456/files/spr0000002.pdf> (дата последнего посещения 31.III.2015).

196.

Богословский М. М. Петр I. Материалы к биографии: в 4 т. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. I–II (9.III.1697 – 25.VIII.1698). М., 1941. С. 504.

197.

Устрялов Н. В. История царствования Петра Великого: в 8 т. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швецией. СПб., 1858. С. 136. Текст доступен по адресу: <http://www.runivers.ru/bookreader/book58014/#page/1/mode/1up> (дата последнего посещения 31.III.2015).

198.

Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути (1697–1698). СПб., 2008. С. 377.

199.

Sas A. Návšteva cára Petra Velkého v Bratislave // Slovanská Bratislava. 1948. I. S. 230–252.

200.

Sas A. Návšteva cára Petra Velkého v Bratislave // Slovanská Bratislava. 1948. I. S. 244.

201.

Janota I. Slavní ľudia v Bratislave. Bratislava, 2007. S. 63–65.

202.

Solovič J. Peter a Pavel. Bratislava, 1985.

203.

«Come però casualmente successe che egli insieme con il primo degli ambasciatori era in quell' hore partito verso Presburgo a veder nel Danubio alcuni legni di nuova invention». См.: Деша К. Рудзини, 25.VII.1698 // ÖStA. HHStA. Dispacci di Germania. Bd. 179. Опубликовано в: Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. I. 1693–1700. Юрьев, 1903. С. 491–493.

204.

ÖStA. FHKA. ANK, HFÖ. 1698. Index. Expedit. S. 402. 12.VI.1698.

205.

Текст «Юрнала» см.: Устрялов Н. В. История царствования Петра Великого. Т. 3. С. 589–620.

206.

Текст «Юрнала» см.: Устрялов Н. В. История царствования Петра Великого. Т. 3. С. 612.

207.

Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходе-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сборник статей / Под ред. А. И. Андреева. Москва; Ленинград, 1947. С. 26. Ср.: Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. 2 Bde. Frankfurt a. M., 1866, Bd. 2. S. 494.

208.

«Havendo per inteso il Czar di Moscovia, che mercordi mattina doveva celebrarsi una messa cantata dal sig. Card. Colonitz nella chiesa de' P. P. Giesuiti della casa professa, in adempimento d' una fondazione fatta dall' imperatrice Eleonora di gl. m. mostrò gran desiderio d' intervenire alla funzioni, et havendolo fatto dire a Sua Maestà Cesarea fu preparata per il medesimo Czar la tribuna, dove assiste Sua Maestà alle funzioni sacre, quando si porta alla sudeta chiesa [...] Terminato questo discorso, passò al refettorio de' P. P. Giesuiti, e vi desinò, tenendo a tavola il P. Preposito et il P. Wolff [...] e subito terminato il pranzo se n' andò a Presburgo a veder i preparamenti dell' armamento navale, che deve partire fra pochi giorni». См.: А. де Санта Кроче – кардиналу Ф. Спада, 26.VII.1698 // Шмурло Е. Ф. Сборник документов. С. 497. Текст доступен по адресу: <http://www.knigafund.ru/books/51109/read#page543> (дата последнего посещения 31.III.2015).

209.

См.: Gregorianischer Kalender. 1698. Текст доступен по адресу: <http://calendar.zoznam.sk/gregoriancalendar-de.php?hy=1698&x=0&y=0> (дата последнего посещения 31.III.2015).

210.

Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М., 2000. С. 101; Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого (1672–1689). М., 1875. С. 102–109. Ср.: Храмов В. Ю. Петровские военные забавы и потехи 1683–1694 гг. как опыт проведения военных игр и манёвров // Военный журнал. 2014. Кн. 6. Текст доступен по адресу: <http://history.milportal.ru/2014/04/petrovskie-voennye-zabavy-i-potexi-1683-1694-gg-kak-opyt-provedeniya-voennyx-igr-i-manyovrov/> (дата последнего посещения 31.III.2015).

211.

Markovich A., Huttanová J. Príbeh hradu Bratislava. The Story of the Castle in Bratislava. Bratislava, 2007. S. 70.

212.

Krekšín P. Peters des Grossen Jugendjahre. Stuttgart, 1989. (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd. 30).

213.

Суздалев В. Е. Петр I в Коломенском и Преображенском // Петр Великий и Москва. Каталог выставки / Под ред. Н. С. Владимирской и др. М., 1998. С. 44.

214.

Суздалев В. Е. Петр I в Коломенском и Преображенском // Петр Великий и Москва. Каталог выставки / Под ред. Н. С. Владимирской и др. М., 1998. С. 44.

215.

Sas A. Návšteva cára Petra Velkého. S. 240.

216.

Schaefer K. Historische Schiffe in Wien. Wien, 2012. S. 30.

217.

Aichelburg W. Kriegsschiffe auf der Donau // Militärlhistorische Schriftenreihe. 1982. Heft 37. S. 15.

218.

Aichelburg W. Kriegsschiffe auf der Donau // Militärlhistorische Schriftenreihe. 1982. Heft 37. S. 15.

219.

ÖStA. FHKA. AHK. HFÖ. 1698. Index. Expedit. S. 801.

220.

Österreichische militärische Zeitschrift. Wien, 1873. Bd. 2. S. 170.

221.

Aichelburg W. Kriegsschiffe. S. 16.

222.

Holčík Š. Krönungsfeierlichkeiten in Preßburg/Bratislava 1563–1830. Bratislava, 1992.

223.

См.: Mais A. Der Kellerfund von Kittsee. Kittsee, 1981.

224.

Шварц И. Собирался ли Петр I привлекать в Россию специалистов из Австрии для производства «голландской» керамики? // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса / Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина. СПб., 2014, С. 413–421. <http://ipv.spb.ru/upload/medialibrary/bb4/bb4e0e733fb50704cc0752a48f58dae9.pdf> (дата последнего посещения 31.III.2015).

225.

Schimmelpfennig A. Lüdinghausen, Friedrich Wolff von // Allgemeine Deutsche Biographie. Herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1884. Bd. 19. S. 381–383. Текст доступен по адресу: http://de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:L%C3%BCdinghausen_genannt_Wolff,_Friedrich_von&oldid=1707124 (дата последнего посещения 31.III.2015).

226.

Бакланова Н. А. Великое посольство. С. 17.

227.

Conrads N. Das Incognito. Standereisen ohne Konventionen // Grand Tour: Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. / Hrsg. von R. Babel, W. Paravicini. Paris, 2000. S. 591–608.

228.

Австрийский посол Л. Кобенцель в начале августа писал: «Еще не решено, под каким именем будут путешествовать их императорские высочества». См.: Л. Кобенцель – В. А. Кауницу. Санкт-Петербург, 3.VIII.1781. ÖStA. HHStA. Staatenabteilungen. Russland II. Kt 57. Berichte August – September 1781. Fol. 116v. Е. С. Шумигорский писал, что имена великокняжеской чете выбрала лично Екатерина II. См.: Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна. Ее биография // РА. СПб., 1890. Кн. 2. С. 31.

229.

Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790 гг. М., 2011.

230.

Д. Ф. Кобеко по реляциям Д. М. Голицына восстановил хронологическую канву пребывания графа и графини Северных в Вене, однако не подверг программу систематическому анализу. См.: Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1882. С. 201–205.

231.

Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzel. Ihr Briefwechsel / Hrsg. von A. von Arneth. Wien, 1901. 2 Bde.

232.

Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. von A. von Arneth. Wien, 1869; Переписка Екатерины II с германским императором Иосифом II-м. 1774–1790 // РА. 1880. Кн. 1. С. 210–355.

233.

Письма императрицы Екатерины II великому князю Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне во время путешествия их императорских высочеств в 1781 и 1782 гг. // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9. С. 64–117.

234.

Номера газеты доступны на сайте Австрийской национальной библиотеки: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=wrz> (дата последнего посещения 31.III.2015).

235.

Шумигорский Е. С. Мария Федоровна. С. 32–33. О том же, возможно, опираясь на Шумигорского, пишет Р. Макгрю, ср.: McGrew R. E. Paul I of Russia, 1754–1801. Oxford, 1992. P. 117.

236.

Л. Кобенцель – В. А. Кауницу. Санкт-Петербург, 11.VIII (31.VII).1782, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt.58. Fol. 238v.

237.

Кобеко Д. Ф. Цесаревич. С. 141.

238.

Ср.: Madariaga I., de. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St. Petersburg during the American Revolution. London, 1962.

239.

Дж. Гаррис – лорду Стормонту. Санкт-Петербург, 3.X (21.IX).1781 // РА. 1874. Кн. 11. Ст. 808–809.

240.

Об этом также пишет Гаррис. См.: Там же. С. 800.

241.

Л. Кобенцель – В. А. Кауницу. Санкт-Петербург, 9.X (27.IX).1781, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 57. Fol. 26r.

242.

Русский посол сообщал: «Для ночлегов их императорских высочеств назначены лучшие дома, и оные велено снабдить мебелью и всем, что принадлежит до удобств покоев». (АВП РИ. Сношения с Австрией. Ф. 32. Оп. 6. 1781. Д. 639. Д. М. Голицын – Екатерине II. Вена, 21.VIII (1.IX).1781. Л. 25 об.)

243.

Инкогнито ни для кого не было секретом. Газеты называли их «русские императорские высочества, господин великий князь и госпожа великая княгиня, известные под именами графа и графини Северных» (WZ. 1781.24.XI. N 94). Псевдонимы служили, прежде всего, целям избегания излишней помпезности, в том числе для снижения представительских расходов.

244.

Иосиф II – Г. К. Блюменгену. Версаль, 31.VII.1781, см.: ÖStA. FHK. Österreichisches Camerale. Fasz. r. Nr. 1618. Subd. 3. N 568 ex Aug. 1781. Fol. 388v–392r.

245.

Лозинская Л. Во главе двух академий. Е. Р. Дашкова. М., 1978. С. 67.

246.

Й. К. Кауниц – В. А. Кауницу. Вена, 22 (10).VII.1777, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 53. Berichte Juni – Dezember 1777. N 28. Fol. 101r.